

ИНТЕГРАЦИИ В ПРЕИСТОРИИ

Плодородный полумесяц: единый часовой пояс перемен

Степной мир как модель культурного симбиоза

От Белого до Красного моря — жернова стандартов

Столкновение гаплогрупп или конфликт интерпретаций

Колдуны и шаманы: их волшебные средства и ритуалы

Городища и святилища бронзового века — новый взгляд

Ответственный редактор — Игорь В. Манзура

ISSN: 1608-9057

Stratum plus. No. 2.
Archaeology and Cultural Anthropology

INTEGRATIONS IN PREHISTORY

The Fertile Crescent: A Single Time Zone of Changes
Steppe World as a Model of Cultural Symbiosis
From the White Sea to the Red Sea — the millstones of standards
Collision of Haplogroups or Conflict of Interpretations
Sorcerers and Shamans: Their Magic Remedies and Rituals
Bronze Age Hillforts and Sanctuaries — A New Look

Editor-in-Charge — Igor V. Manzura

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2024

Stratum plus. Nr. 2.
Arheologie și antropologie culturală

INTEGRAȚII ÎN PREISTORIE

Semiluna Fertilă: un singur fus orar al schimbării
Lumea stepei ca model de simbioză culturală
De la Marea Albă la Marea Roșie — pietrele de moară ale standardelor
Ciocnirea haplogrupelor sau conflictul de interpretări
Vrăjitorii și șamanii: remediile și ritualurile lor magice
Forturile și sanctuarele din epoca bronzului — o nouă viziune

Redactor responsabil — Igor V. Manzura

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2024

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ДРЕВНОСТИ

Ш. Н. Амиров (Москва, Россия). Об умеренно плодородном полумесяце умеренного пояса (Степной пояс Восточной Европы в раннем и среднем голоцене) 15

В. Г. Петренко (†). Памятники позднего энеолита Южного Приднестровья и Буджакской степи 63

И. В. Манзура (Кишинёв, Молдова). Комментарии к статье В. Г. Петренко «Памятники позднего энеолита Южного Приднестровья и Буджакской степи» 99

ТЕХНОЛОГИИ ДРЕВНЕГО МИРА

А. М. Киселёва (Санкт-Петербург, Россия). Керамическая посуда раннего неолита на Кольском Севере: типология и новые данные по хронологии 107

С. Е. Малых (Москва, Россия). Стандартизация древнеегипетской керамики во второй половине III тыс. до н. э.: типологическая иллюзия или реальность? 121

Л. М. Сверчков (Ташкент, Узбекистан). О разработке месторождений ляпис-лазури на Среднем Востоке (к вопросу о локализации страны Аратта) 139

Т. Н. Смекалова, А. Н. Гаврилюк (Симферополь, Крым). Каймачинский клад эпохи бронзы из Северо-Западного Крыма: РФЛА состава сплава 149

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Ж. В. Марченко, А. Е. Гришин, Ю. Н. Гаркуша (Новосибирск, Россия). Древнейшие шаманские атрибуты из Северного Приангарья 175

И. В. Манзура (Кишинёв, Молдова). Топор в ритуальной практике раннего энеолита Восточной Европы: истоки традиции 193

А. И. Мурашкин (Санкт-Петербург, Россия). Типология орнаментов на изделиях из кости и рога поселения Маяк 2 (Мурманская область, Россия) 205

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

- А. А. Романчук** (*Кишинёв, Молдова*). Возникновение гаплогруппы E-M81: рубеж эр или неолит? 221
- А. В. Энговатова, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова** (*Москва, Россия*), **А. А. Канапин, А. А. Самсонова** (*Санкт-Петербург, Россия*), **М. Б. Медникова** (*Москва, Россия*). «Забытое дитя» или передовой отряд? О связи населения фатьяновской и средневолжской абашевской культур в свете данных секвенирования древней ДНК 227
- Д. А. Кириченко** (*Баку, Азербайджан*). О трепанации черепа в эпоху ранней бронзы на территории Южного Кавказа и Ближнего Востока 251
- Е. Ю. Гирия** (*Санкт-Петербург, Россия*), **А. С. Желудков** (*Липецк, Россия*), **С. В. Васильев** (*Москва, Россия*). Посмертная трепанация из погребения эпохи средней бронзы на Верхнем Дону 271

ПАМЯТЬ АРХЕОЛОГИИ

- С. В. Кузьминых** (*Москва, Россия*), **В. Н. Саенко** (*Киев, Украина*). «Скорченные погребения не дают мне покоя»: бронзовый век Северного Причерноморья в исследованиях А. В. Добровольского (по материалам переписки с А. М. Тальгренем и В. А. Городцовым) 283

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- В. А. Борзунов** (*Екатеринбург, Россия*). Шайтанское городище конца эпохи бронзы в бассейне реки Кеть (Западная Сибирь): новая интерпретация 319
- В. Н. Карманов** (*Сыктывкар, Россия*). Памятники на р. Коротаихе (бассейн Баренцева моря): места обитания, могильники или святилища эпохи бронзы? 355
- С. Д. Лысенко** (*Киев, Украина*), **С. Н. Разумов, В. С. Синика** (*Тирасполь, Молдова*), **Н. П. Тельнов** (*Кишинёв, Молдова*). Погребения эпохи поздней бронзы из курганов группы «Клин» у с. Глиное на левом берегу Нижнего Днестра . . 377

- Список сокращений** 399
- Авторам Stratum plus** 403

C O N T E N T S

INTEGRATION MODELS OF ANTIQUITY

Sh. N. Amirov (*Moscow, Russian Federation*). About the Moderately Fertile Crescent of the Temperate Climate Zone. (The Steppe Belt of Eastern Europe in the Early and Middle Holocene) 15

V. G. Petrenko (†). Late Eneolithic Archaeological Sites of the South Dniester Region and Budzhak Steppe 63

I. V. Manzura (*Kishinev, Moldova*). Comments on the Article by V. G. Petrenko “Late Eneolithic Archaeological Sites of the South Dniester Region and Budzhak Steppe” 99

TECHNOLOGY OF ANCIENT WORLD

A. M. Kiseleva (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Early Neolithic Pottery on the Kola North: Typology and New Data on Chronology 107

S. E. Malykh (*Moscow, Russian Federation*). Standardization of Ancient Egyptian Pottery in the Second Half of the 3rd Millennium BC: Typological Illusion or Reality? 121

L. M. Sverchkov (*Tashkent, Uzbekistan*). On the Exploration of Lapis Lazuli Deposits in the Middle East (On the Issue of Localization of the Aratta Country) 139

T. N. Smekalova, A. N. Gavrilyuk (*Simferopol, Crimea*). Kaymachinsky Bronze Age Hoard from North-Western Crimea: XRF Analysis of Alloy Composition 149

ARCHAEOLOGY OF BELIEFS

Zh. V. Marchenko, A. E. Grishin, Yu. N. Garkusha (*Novosibirsk, Russian Federation*). The Earliest Shamanic Attributes from the Northern Angara River Region . . . 175

I. V. Manzura (*Kishinev, Moldova*). The Axe in the Ritual Practice of the Early Eneolithic of Eastern Europe: the Origins of the Tradition 193

A. I. Murashkin (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Typology of Ornaments on Bone and Antler Items Found on Mayak 2 Settlement (Murmansk, Russia) 205

ANTHROPOLOGICAL ETUDES

A.A. Romanchuk (*Kishinev, Moldova*). The Origin of E-M81 Haplogroup: the Turn of the Era or the Neolithic? 221

A. V. Engovatova, Kh. Kh. Mustafin, I. E. Alborova (*Moscow, Russian Federation*), A.A. Kanapin, A.A. Samsonova (*Saint Petersburg, Russian Federation*), M. B. Mednikova (*Moscow, Russian Federation*). “Lost Child” or Vanguard? Linking Fatyanovo Population with Middle Volga Abashevo Culture using Ancient DNA Sequencing Data 227

D.A. Kirichenko (*Baku, Azerbaijan*). About Skull Trepanation on the Territory of South Caucasus and Near East in the Early Bronze Age 251

E. Yu. Giryа (*Saint Petersburg, Russian Federation*), A. S. Zheludkov (*Lipetsk, Russian Federation*), S. V. Vasiliev (*Moscow, Russian Federation*). Posthumous Trepanation from the Burial of the Middle Bronze Age on the Upper Don 271

ARCHAEOLOGY REMEMBERS

S. V. Kuzminykh (*Moscow, Russian Federation*), V.N. Saenko (*Kyiv, Ukraine*). “Crouched Inhumations Don’t Give Me Peace”: Bronze Age of the Northern Black Sea Region in A. V. Dobrovolsky’s Studies (based on correspondence with A.M. Tallgren and V.A. Gorodtsov) 283

RESEARCH AND PUBLICATIONS

V.A. Borzunov (*Yekaterinburg, Russian Federation*). Shaitan Fortified Settlement of the Late Bronze Age in the Ket’ River Basin (Western Siberia): New Interpretation 319

V.N. Karmanov (*Syktyvkar, Russian Federation*). Sites on the Korotaikha River (Barents Sea Basin): Bronze Age Habitats, Cemeteries or Sanctuaries? 355

S. D. Lysenko (*Kyiv, Ukraine*), S. N. Razumov, V. S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*), N. P. Telnov (*Kishinev, Moldova*). Graves of the Late Bronze Age from the Barrows of “Klin” Group on the Left Bank of the Lower Dniester 377

Abbreviations 399

Submissions 403

В. Г. Петренко

Памятники позднего энеолита Южного Приднестровья и Буджакской степи

Keywords: Northwest Black Sea region, Budzhak steppe, late Eneolithic, Cernavodă I culture, Khadzhide type, Katarzhino type, Usatovo culture

Cuvinte cheie: Nord-Vestul Mării Negre, stepa Bugeacului, eneoliticul târziu, cultura Cernavodă I, tip Hadjider, tip Katarzhino, cultura Usatovo

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, Буджакская степь, поздний энеолит, культура Чернавода I, тип Хаджидер, тип Катаржино, усовская культура

V. G. Petrenko

Late Eneolithic Archaeological Sites of the South Dniester Region and Budzhak Steppe

The article discusses the peculiarities of the cultural and historical situation in the Northwestern Black Sea region in the 4th millennium BC. Several relatively independent lines of development are distinguished which are characterized by various features of the burial rite and material culture and to a greater or lesser extent influence the formation of the Usatovo culture. One of the main components of the Usatovo culture is the burial sites of the Khadzhide type, in which the deceased were laid in crouched position on their sides and were accompanied by imported pottery of the Cucuteni B culture or vessels close to the pottery of the Cernavodă I culture. Another line of development is represented by burials of the Katarzhino type with skeletons in a crouched position on their backs. Apparently, the burials conventionally referred to the archaic stage of the Usatovo culture are a reflection of an independent line of development. The culture of Cernavodă I and the culture of Cucuteni B, which is probably associated with some short-term encampments in the steppe zone, are also important factors of development. Interaction of various cultural traditions led to the emergence of the Usatovo culture.

V. G. Petrenko

Monumentele eneoliticului târziu din regiunea Nistrului de Sud și stepa Bugeacului

În articol sunt discutate particularitățile situației cultural-istorice din nord-vestul Mării Negre în mil. IV î.e.n. Se evidențiază câteva linii de dezvoltare relativ independente, care se caracterizează prin diferite particularități ale ritului funerar și a culturii materiale și într-o măsură sau alta influențează asupra formării culturii Usatovo. Una din principalele componente ale culturii Usatovo sunt monumentele funerare de tip Hadjider, în care defuncții erau plasați în poziție chircită pe o parte și erau însoțiți de ceramică de import a culturii Cucuteni B sau de vase apropiate ceramicii culturii Cernavodă I. O altă linie de dezvoltare este reprezentată de morminte de tip Katarzhino cu schelete aflate în poziție chircită pe spate. Reflecție a unei linii independente de dezvoltare, probabil, sunt înmormântările, atribuite convențional etapei arhaice a culturii Usatovo. Un important factor al dezvoltării este cultura Cernavodă I și cultura Cucuteni B, cu care, probabil, sunt legate unele stațiuni de scurtă durată din zona de stepă. Interacțiunea diferitor tradiții culturale a dus la apariția culturii Usatovo.

В. Г. Петренко

Памятники позднего энеолита Южного Приднестровья и Буджакской степи

В статье рассматриваются особенности культурно-исторической ситуации в Северо-Западном Причерноморье в IV тыс. до н.э. Выделяется несколько относительно независимых линий развития, которые характеризуются различными признаками погребального обряда и материальной культуры и в той или иной степени влияют на формирование усовской культуры. Одним из основных компонентов усовской культуры являются погребальные памятники типа Хаджидер, в которых усопшие укладывались в скорченном положении на боку и сопровождалась импортной керамикой культуры Кукутень В или сосудами, близкими керамике культуры Чернавода I. Другая линия развития представлена погребениями типа Катаржино со скелетами, находившимися в скорченном положении на спине. Отражением самостоятельной линии развития, по-видимому, являются захоронения, условно отнесенные к архаической ступени усовской культуры. Важными факторами развития также выступают культура Чернавода I и культура Кукутень В, с которой, вероятно, связаны некоторые кратковременные стоянки в степной зоне. Взаимодействие различных культурных традиций привело к возникновению усовской культуры.

Из истории изучения энеолита юго-запада Украины

Изучение эпохи энеолита в Северо-Западном Причерноморье проходило по трем направлениям, в определенной степени не зависящим одно от другого. Первое направление сосредоточилось на памятниках культурной группы Болград-Алдень II, культуре Гумельница. Второе направление охватило памятники усатовского типа. Третье — древнейшие курганы. Когда в Северо-Западном Причерноморье начались масштабные раскопки курганов (Шмаглий, Черняков 1970), то первоначально сложилось представление, что древнейшими в этом регионе являются погребения усатовского типа (усатовской культуры), относящиеся к заключительному этапу энеолита. Энеолитические горизонты более раннего времени не выделялись.

Если не считать попытку В. Н. Даниленко представить непосредственным субстратом усатовской культуры погребения с каменными «скипетрами» типа Суворово (Даниленко 1974: 152), то первые энеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья (курганы), с учетом которых действительно могут и должны решаться вопросы происхождения этой культуры, были намечены И. Л. Алексеевой. К сожалению, они попали в одну группу с посторонним материалом и четкой характеристики не получили (Алексеева 1987). «Утконосовская этнокультурная группа» И. Л. Алексеевой строилась по образцу актуальной на то время модели погребальных памятников усатовской культуры: скорченные + вытянутые погребения. Что касается мелких погрешностей, то неверно, к примеру, определялся вид раковин, характерный для этих погребений (среди них нет вида *Helix*), были перепутаны находки из захоронений могильника Утконосовка, что давало основание ставить под сомнение само существование там каких-либо энеолитических комплексов (Дергачев 1986).

У моих предшественников, начиная с И. Л. Алексеевой, для идентификации поздних энеолитических памятников не было опорных датирующих комплексов и подходящего сравнительного материала. Возможность найти надежные хронологические индикаторы в местных курганных древностях, суммарно отнесенных к усатовскому типу (культуре), реализована не была. Наличие сравнительных данных в соседней культуре Чернавода осталось не замеченным. В итоге, среди скорченных на боку погребений периода поздне-

го энеолита намечаются три группы, соответствующие относительно самостоятельным культурно-хронологическим подразделениям (горизонтам, культурным группам). Основным из них является группа объектов (погребений и условно выделяющихся поселений, точнее, вероятных ритуальных участков) Чернавода — Хаджидер.

Выделяется около 30 памятников (рис. 1), которые во многом самостоятельны, чтобы считаться ранней частью культуры Усатово, но, примыкая к ней в качестве субстратного образования, носят праусатовский характер. Помимо относительного хронологического единства, они характеризуются также общностью погребального обряда. Эти памятники объединяют погребальные традиции и направления культурных связей, отраженные в керамическом материале и особым образом развитые в усатовской культуре. Среди наиболее важных — комплексы могильников Хаджидер I и Кошары, первыми давшие надежные хронологические свидетельства в виде настоящей керамики Триполья СІ о существовании предусатовского горизонта (Петренко 1989). В этот же круг попадают древнейшие скорченные захоронения курганов 21 и 22 могильника Кубей и некоторые другие, вошедшие в отчеты Дунай-Днестровской экспедиции 1981—1988 гг. Института Археологии АН Украины как типично усатовские, а также комплексы Каменка 6/1¹ (Алексеева 1976), Холмское 1/12 и 1/23 (Черняков и др. 1986), Лиман 3А/12, 3А/50 и 3А/53 (Субботин, Тощев 2002). Среди погребений в кургане Красное 9 под Григориополем, которые Е. В. Яровой связывает с гипотетическими племенами, имевшими отношение к возникновению Усатово и даже выхватинской группы позднего Триполья (Серова, Яровой 1987: 128), погребение 10 с флажковидными кремневыми вкладышами и костяными палочками моложе доусатовского горизонта.

К атрибуции энеолитических курганов

Одним из самых важных памятников, свидетельствующих о появлении курганов на юго-западе Украины ранее Триполья СІІ, до возникновения усатовской культуры, является небольшой курган, раскопанный в долине по левому пологому берегу реки Сара-

¹ Здесь и далее в числителе указан номер кургана и в знаменателе номер погребения.

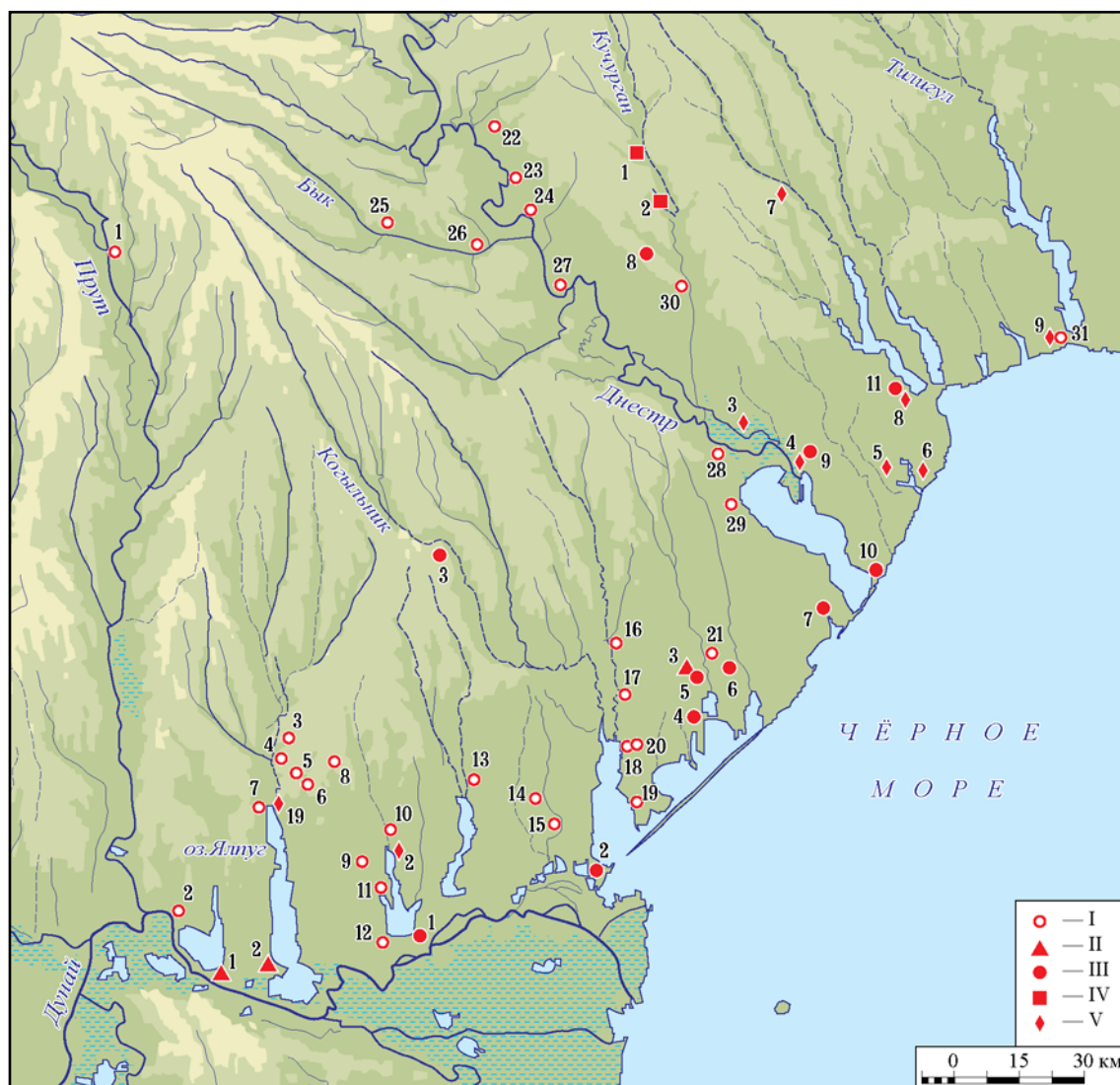

Рис. 1. Археологические памятники позднего энеолита на территории Северо-Западного Причерноморья. I. Памятники типа Хаджджер: 1 — Саратены, 2 — Рени, 3 — Казаклия, 4 — Тараклия, 5 — Копчак, 6 — Кубей, 7 — Виноградовка (Нурчи), 8 — Городнее, 9 — Каменка, 10 — Новокаменка, 11 — Утконосовка, 12 — Богатое, 13 — Холмское, 14 — Струмок, 15 — Нерушай, 16 — Сарата, 17 — Белолесье, 18 — Траповка, 19 — Лиман, 20 — Вишневое, 21 — Ярославка, 22 — Красное, 23 — Буторы III, 24 — Красногорка, 25 — Мерены, 26 — Рошканы, 27 — Терновка, 28 — Тудорово, 29 — Семеновка, 30 — Новокотовск, 31 — Кошары. II. Памятники культуры Чернавода I: 1 — Орловка, 2 — Новосельское, 3 — Дивизия. III. Памятники с неясной принадлежности: 1 — Гиржево, 2 — Кардамычево. IV. Памятники архаичной ступени усатовской культуры: 1 — Кислица, 2 — Приморское, 3 — Березино, 4 — Желтый Яр, 5 — Дивизия, 6 — Широкое (Алкалия), 7 — Бельенкое (Шаболат), 8 — Никольское, 9 — Маяки, 10 — Каролино-Бугаз, 11 — Усатово. V. Памятники типа Катаржино: 1 — Болград, 2 — Суворово, 3 — Ясски, 4 — Маяки, 5 — Новая Долина, 6 — Черноморка, 7 — Знаменка (Катаржино), 8 — Усатово, 9 — Кошары.

Fig. 1. Late Eneolithic archaeological sites in the Northwest Black Sea region. I. Archaeological sites of the Khadzhdier type: 1 — Sărăteni, 2 — Reni, 3 — Cazacalia, 4 — Taraclia, 5 — Copciac, 6 — Kubey, 7 — Vinogradovka (Kurchi), 8 — Gorodne, 9 — Kamenka, 10 — Novokamenka, 11 — Utkonosovka, 12 — Bogatoe, 13 — Kholmское, 14 — Strumok, 15 — Nerushay, 16 — Sarata, 17 — Belolese, 18 — Trapovka, 19 — Liman, 20 — Vishnevoe, 21 — Yaroslavka (Khadzhider), 22 — Krasnoe, 23 — Butor III, 24 — Krasnogorka, 25 — Mereni, 26 — Roșcani, 27 — Ternovka, 28 — Tudora, 29 — Semenovka, 30 — Novokotovsk, 31 — Koshary. II. Sites of the Cernavodă I culture: 1 — Orlovka-Kartal, 2 — Novoselskoe, 3 — Divizia. III. Archaeological sites with undetermined cultural attribution: 1 — Girzhevo, 2 — Kardamychevo. IV. Archaeological sites of the archaic stage of the Usatovo culture: 1 — Kislitsa, 2 — Primorskoe, 3 — Berezino, 4 — Yhelty Yar, 5 — Divizia, 6 — Shirokoe (Alkalia), 7 — Belenkoe (Shabolat), 8 — Nikolskoe, 9 — Mayaki, 10 — Karolino-Bugaz, 11 — Usatovo. V. Archaeological sites of the Katarzhino type: 1 — Bolgrad, 2 — Suvorovo, 3 — Yasski, 4 — Mayaki, 5 — Novaya Dolina, 6 — Chernomorka, 7 — Znamenka (Katarzhino), 8 — Usatovo, 9 — Koshary.

ты у села, носящего то же название (Черняков 1964). Первоначально он был определен как позднетрипольский, периода СII культуры Триполье, относящийся к усатовскому «варианту», причем, к его наиболее поздней части (Збенович 1974: 134). Однако при проверке он оказался не моложе Триполья CI (Петренко 1993). Показателен лепной желтовато-серый сосудик из отмученной глины, высотой 8,5 см, расписанный темно-коричневой краской перед обжигом, из оградки 2 этого кургана. У сосуда четко выделенное дно и воронкообразное горлышко с утонченным краем, посаженное на раздутый, несколько асимметричный корпус. Роспись нанесена довольно небрежно. Горизонтальные линии росписи опоясывают горловину, подчеркивают переходы горловины в тулово и тулова к дну. Поверхность корпуса сосуда, ограниченная горизонтальными линиями, разделена по вертикали на пять частей лентами, составленными из трех-четырёх полосок каждая. Колонки вертикальных полос в свою очередь соединены и местами даже пересекаются лентами из полосок, идущих наискось (рис. 2: 5).

Ранее приведенные аналогии из усатовских захоронений и позднетрипольского могильника Выхватинцы для этой находки не имеют значения. По всем признакам это керамика относительно поздних фаз среднего Триполья (Кукутень VI/II), конца периода VII этой культуры, учитывая, например, материал поселения Брынзены IV (Маркевич 1981: 18, рис. 9: 12), хотя не исключается и датировка в пределах Триполья CI (первой половины периода CI особенно). В целом, хронологическое место этого сосуда и, следовательно, связанного с ним курганного комплекса в пределах конца периода VII–CI культуры Триполье-Кукутень представляется установленным достаточно надежно.

Курган у Сараты — это не единственный в Буджакской степи комплекс с расписной керамикой более раннего времени, чем Усатово и Триполье СII. Соответствующие находки известны в уже упомянутом могильнике Хаджидер I, ставшим эпонимом для намечающегося в Северо-Западном Причерноморье горизонта энеолитических памятников, в Рени (рис. 2: 6), в комплексе хаджидерского типа, исследованном в 1996—1997 гг. в урочище Кале под руководством М. М. Фокеева (рис. 2: 10), и в других пунктах. «Лицевая урна» из Рени, например, в публикации поставлена в связь с керамикой томашовско-сушковских поселений Побужья (Субботин, Петренко 1990), но нужно иметь в виду, что ближайшим и наиболее вероят-

ным источником поступления в Буджак расписной керамики, были кукутенские поселения прутско-днестровской лесостепи, петренская группа Кукутень-Триполья. Аналогии сосуду из Рени имеются на поселениях Петрены и Главаны I, датированных периодом Кукутени VII (Бикбаев 1992: 105, 114, рис. 3: 13)². В эту же категорию, как выяснилось (Петренко 1993: 18—19), вписывается и биконический сосуд (рис. 2: 9) из ямы 1³ под кромехом кургана в Тудорово (Мелюкова 1962: 23: 1). Аналогичным образом должен решаться вопрос о нескольких курганах с насыпями из суглинка, оградками-кромехами угловатой (шестиугольной, как установлено в одном случае) формы и кольцевыми ровиками, раскопанных южнее Сараты и тоже отнесенных к усатовским памятникам: Траповка, курган 1, Вишневое, курганы №№13 и 56 с разрушенными основными захоронениями (Дворянинов и др. 1985: 146, рис. 4; Субботин, Петренко 1986: 38—39, 41; Субботин и др. 1995а: 41, 47—48, рис. 15; Субботин и др. 1995б: 20—21, рис. 2). Определяющей в данном случае является находка фрагментированного миниатюрного сосудика из отмученной красноватой глины в кургане 56 у с. Вишневое (рис. 2: 4). Сосудик связан с основным захоронением этого кургана, которое может рассматриваться как энеолитическое, доусатовское, предположительно, хаджидерского типа.

Группа погребальных памятников типа Хаджидер

Та характеристика хаджидерской группы, которая приводится ниже, дается в объеме, представленном автором на VI фракологическом конгрессе в 1996 г. (Petrenko 1996) с дополнениями, которые стали возможны благодаря публикациям, прежде всего, могильника Саратены на Пруте (Levički et al. 1996).

Название Хаджидер носят несколько могильников, раскопанных в 1988 г. под руководством А. С. Островерхова у с. Ярославка Саратовского р-на. В связи с исследованиями кургана 6 могильника Хаджидер I (рис. 2: 1—3) понадобился соответствующий эпоним для группы позднеэнеолитических памятников

² На поселении Брынзены IV, вероятно, более раннем, также известны сосуды аналогичной формы, но роспись их носит упрощенный характер (Маркевич 1981: 18, рис. 9: 1—4).

³ Как и курган у Сараты, этот объект продолжительное время числился среди типично усатовских комплексов.

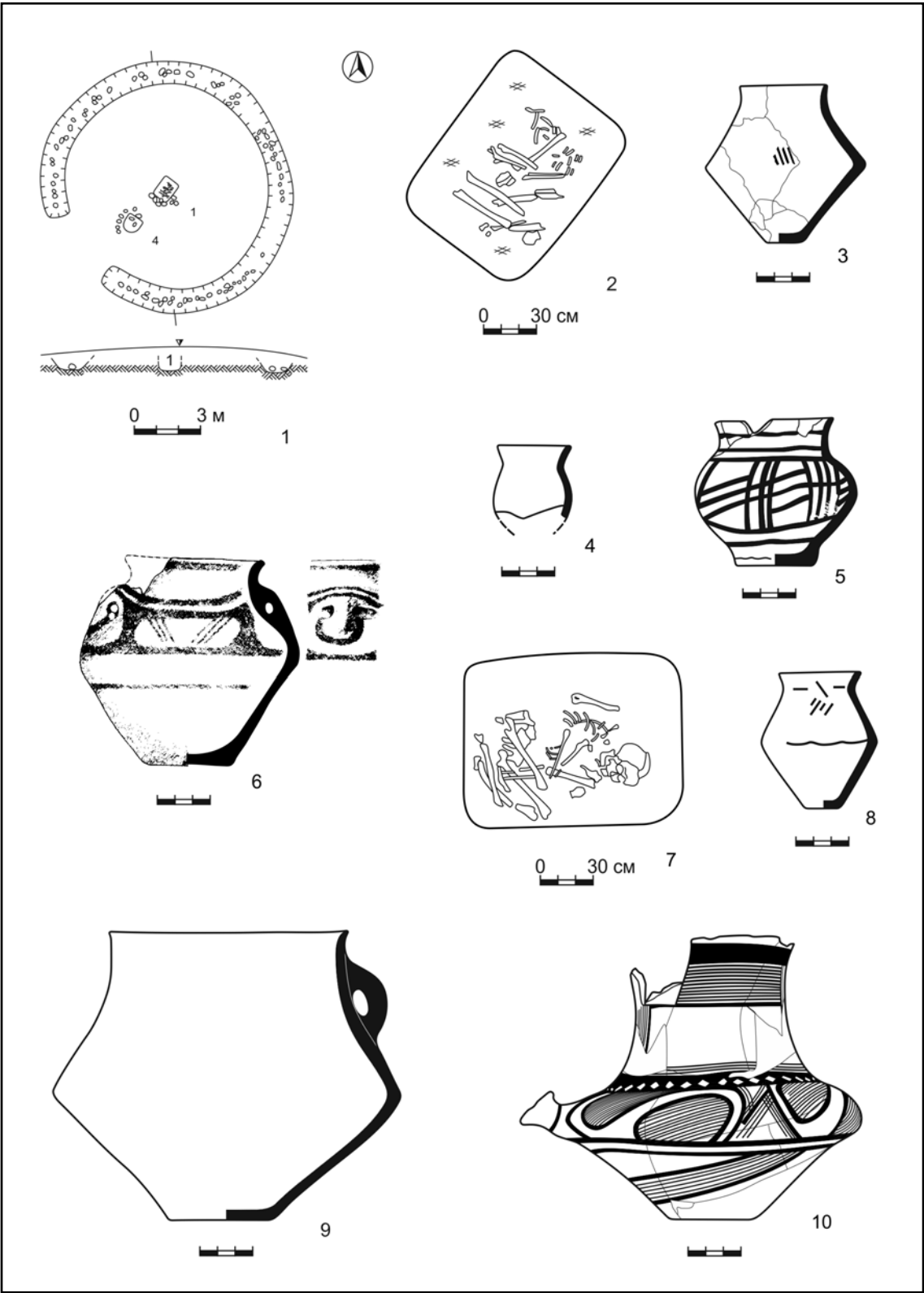

Рис. 2. Памятники типа Хаджидер: 1—3 — Ярославка (Хаджидер I) 6/1; 4 — Вишневое, курган 56, сосуд из насыпи; 5 — Сарата, курган 1; 6 — Рени, случайная находка; 7, 8 — Кошары — античный некрополь, погр. 22; 9 — Тудорово, курган 1, яма 1; 10 — Новокаменка (Кале), курган 1, сосуд из насыпи.

Fig. 2. Archaeological sites of the Khadzhide type: 1—3 — Yaroslavka (Khadzhider I) 6/1; 4 — Vishnevoe, kurgan 56, vessel from the mound; 5 — Sarata, kurgan 1; 6 — Reni, stray find; 7, 8 — Koshary — Greek cemetery, grave 22; 9 — Tudora, kurgan 1, pit 1; 10 — Novokamenka (Kale), kurgan 1, vessel from the mound.

(Петренко 1989). Именно этот объект дал первое бесспорное указание на существование в Северо-Западном Причерноморье «курганного» энеолита старше Триполья СII и Усатово: в основном захоронении находился остро-реберный кубок, датированный концом периода ВII — периодом СI трипольской культуры (Патокова и др. 1989: 123—124).

Памятники хаджидерской группы сконцентрированы в южной части Буджакской степи между Днестром и Ялпугом (рис. 1), но это вряд ли область их предельного распространения. Прежде всего, можно ожидать, что аналогичные памятники будут найдены севернее, ближе к ареалу Кукутень-Триполье, в междуречье Днестра и Прута, и южнее — у границ культуры Чернавода I в Подунавье. На такую возможность указывают внешние связи группы, их свидетельства в керамическом материале и открытие могильника Саратены (Демченко 1990). До сих пор известны только погребальные памятники хаджидерской группы (курганы).

Стойбища вблизи могильников в долинах рек и на плато, вероятно, были единственным типом поселений этой группы, как и других культурных групп степного энеолита, выделяющихся только по захоронениям. Еще одно местонахождение локализуется на месте поселения Тараклия культуры Гумельница (Болград-Алдень). В слое этого поселения найдены обломки типичного сосуда. Вряд ли есть смысл связывать эту находку с гумельницким слоем, как это делают авторы публикации (Манзура, Сорокин 1990: рис. 1: 9). Возможно, эта находка связана не с культурным слоем гумельницкого поселения, а с насыпанным на его остатках курганом.

Как правило, погребения хаджидерской группы одиночные. Иногда их два под одним курганом. Встречаются захоронения в насыпях. В некоторых курганах впускные захоронения образуют даже небольшие группы (Красное, Кубей). В одном случае курганная насыпь не прослежена или ее не было (Кошары II) (рис. 2: 7, 8). Захоронения совершались в ямах субовальной и реже встречающейся подпрямоугольной формы (рис. 2: 2, 7; 3: 1, 6, 10; 4: 2; 5: 2—4, 7, 8; 6: 4). В ямах 65 × 35 см и 80 × 65 см, глубиной только 35 см, были погребены дети. Могилы взрослых, составляющие большинство захоронений, имеют длину от 120 до 200 см при ширине 90—160 см и глубине 70—160 см. В перекрытиях могил обычно находятся жерди или плахи, лежащие поперек могильной ямы, каменные плиты, иногда жерди и сверху камни, решет-

ка из жердей или поперечный настил из плах, покрытый циновкой. К сожалению, нет обмеров и чертежа погребального ящика или оградки из четырех плит с перекрытием из камней в Холмском (Черняков и др. 1986). Можно только предположить, что плиты стояли вдоль стен могильной ямы. На дне почти всех могил прослежена или истлевшая древесная кора или иная органическая подстилка (коричневый тлен).

Погребения скорченные, на левом боку. Правая рука согнута под прямым углом, кисть уложена у локтя или на локоть левой руки, протянутой к коленям или направленной к лицу. Ноги подогнуты в коленях и лежат преимущественно под прямым углом к позвоночнику. Часто погребенные ориентированы головой на восток, в менее характерных случаях ориентировка северо-восточная или произведена на северо-северо-восток и север, всегда по длинной оси могильной ямы. В одном случае, согласно отчетным данным, найдена кремация ребенка в круглой яме 20 под курганом Кубей 21 (рис. 5: 1). Но этот вывод, сделанный в отчете о раскопках по фрагментам пережженных костей, не был проверен антропологом. Эта яма может рассматриваться в качестве культовой или жертвенной, как и другие круглые ямы с отвесными стенками, наполненные пеплом, углем, пережженными костями животных и даже фрагментами керамики под некоторыми курганами, например в Саратенах (Демченко 1990). Соответственно, черепки сосудов, найденные в тех же Саратенах на древнем уровне возле могильных и культовых ям и в насыпях, предположительно увязываются с тризнами. Здесь как раз нужные доказательства дают наши материалы и даты, иначе легко доказать, что это поселение, более раннее, чем погребения.

Под курганами в разрезах прослеживается хорошо развитая древняя почва, но преобладают курганы, насыпанные из ее материнской породы (суглинка, глины и т.п.). Относительно малочисленны курганы с насыпью из почвы и не имеющие рвов. Типичен курган в виде глинистой насыпи, ограниченной кольцевым рвом; наличие кромлеха необязательно (рис. 2: 1; 4: 1; 5: 1; 6: 1). Иногда насыпь у такого кургана комбинированная, двухслойная с порядком слоев, обратным их естественному залеганию, с черноземным нижним и желтым глинистым верхним слоем (рис. 4: 1). Рвы сужаются в профиле к ровному или прогнутому дну и в нескольких случаях прерываются проходом, направлен-

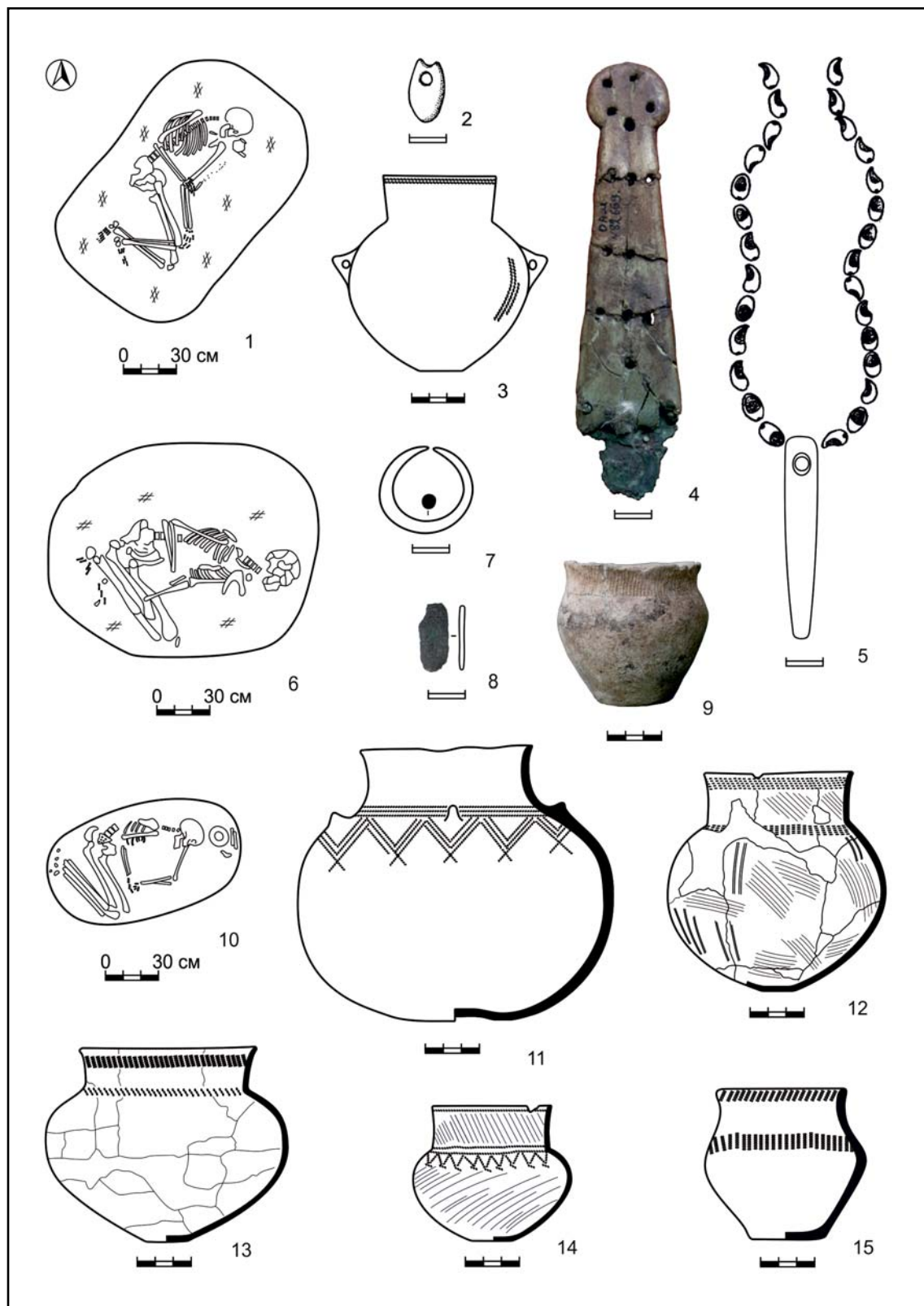

Рис. 3. Памятники типа Хаджидер: 1—5 — Нерушай 9/82; 6, 7 — Траповка 10/14; 8, 9 — Рошканы 3/7; 10, 11 — Струмок 6/9; 12 — Каменка 1/6; 13 — Кубей 21/10; 14 — Нерушай 10/12; 15 — Холмское 1/12.

Fig. 3. Archaeological sites of the Khadzider type: 1—5 — Nerushay 9/82; 6, 7 — Trapovka 10/14; 8, 9 — Roščani 3/7; 10, 11 — Strumok 6/9; 12 — Kamenka 1/6; 13 — Kubey 21/10; 14 — Nerushay 10/12; 15 — Kholm'skoe 1/12.

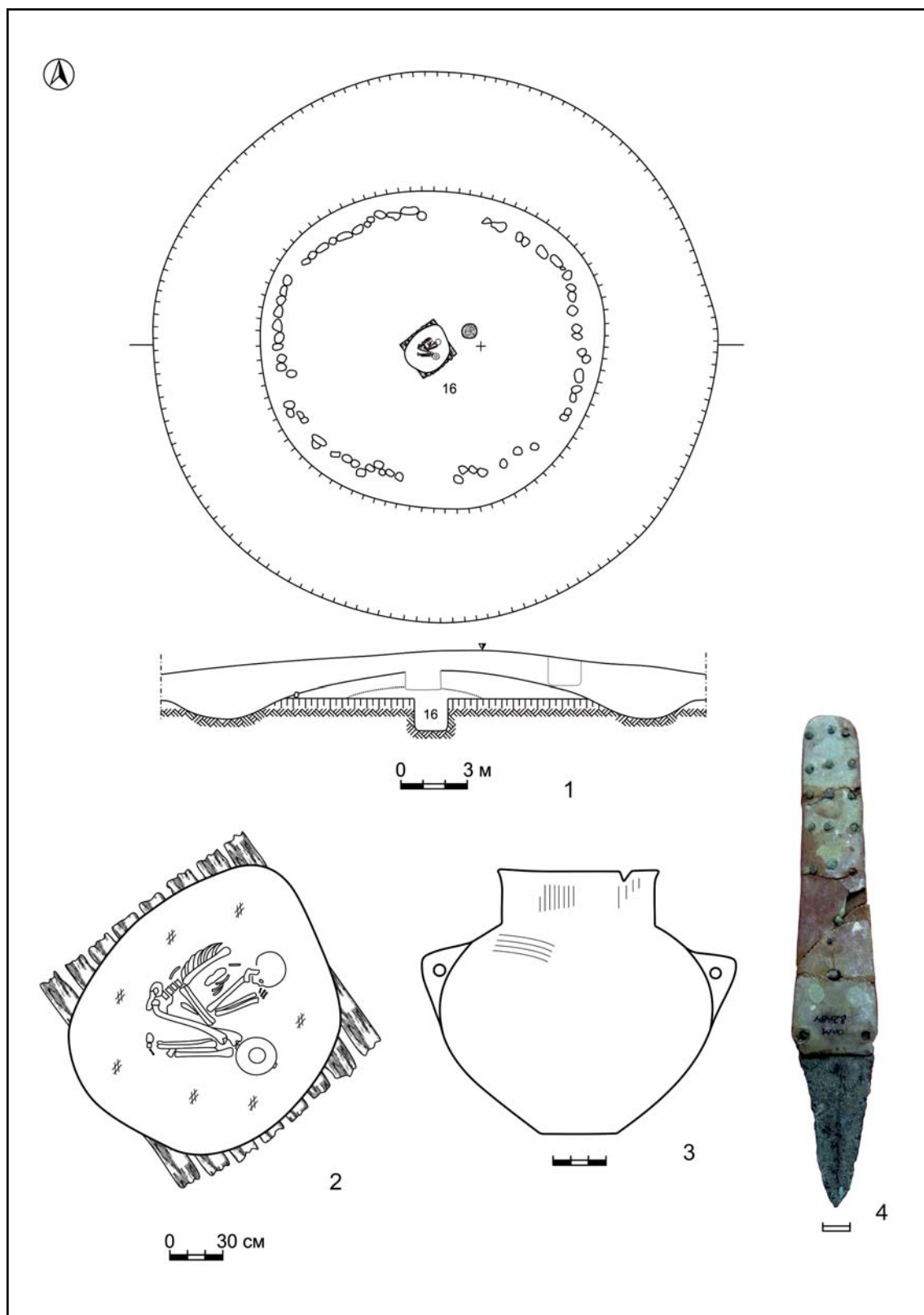

Рис. 4. Комплекс типа Хаджидер у с. Городнее (б. Огородное), курган 1, погребение 16.

Рис. 4. Archaeological site of the Khadzider type near the village of Gorodne (former Ogorodnoe), kurgan 1, grave 16.

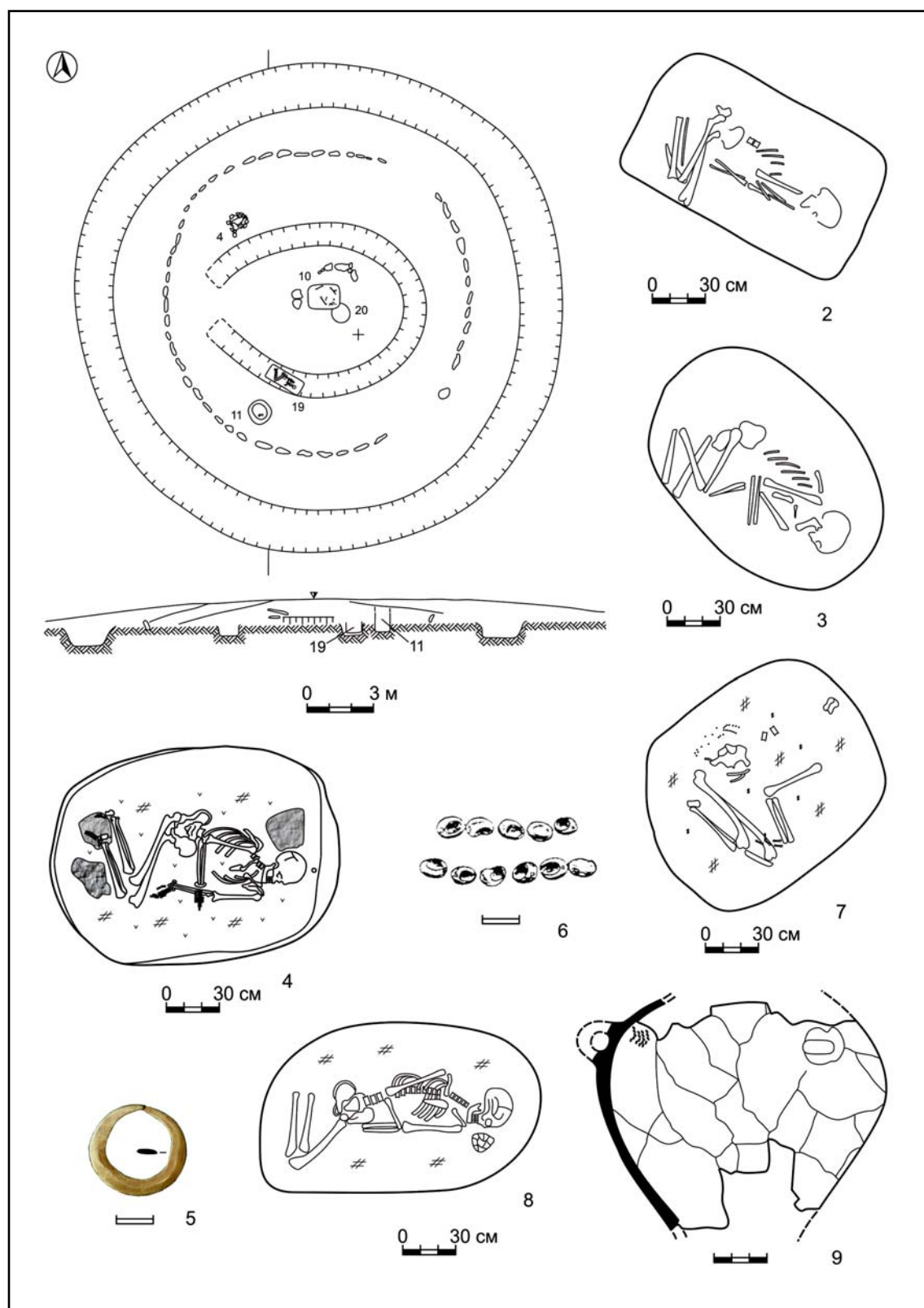

Рис. 5. Памятники типа Хаджидер: 1 — Кубей, курган 21; 2 — Кубей 22/8; 3 — Кубей 22/21; 4, 5 — Саратены 1/7; 6, 7 — Семеновка 11/10; 8, 9 — Желтый Яр 5/14.

Fig. 5. Archaeological sites of the Khadzhide type: 1 — Kubey, kurgan 21; 2 — Kubey 22/8; 3 — Kubey 22/21; 4, 5 — Sărăteni 1/7; 6, 7 — Semenovka 11/10; 8, 9 — Zhelty Yar 5/14.

ным к центру насыпи с западной или юго-западной стороны. Нетипичным, но интересным памятником курганной архитектуры является курган 10 в Траповке, у которого основная насыпь из суглинки покрыта слоем мелкого известняка, отделяющим ее от более поздней черноземной досыпки, тоже сделанной в энеолите, как считает исследователь этого кургана Л. В. Субботин (Субботин и др. 1995: 67—68). Ров кургана Траповка 10 имел два прохода по оси восток — запад, один напротив другого, а насыпь была покрыта мелким известняком. Встречены рвы диаметром 12—20 м, шириной вверху от 1,2 до 5 м при глубине 0,6—1,4 м, насыпи диаметром 9—20 м и высотой 0,5—1,6 м. Характерны кромлехи диаметром 10,5—14 м, выложенные из камня (рис. 5: 1; 6: 1), и кромлехи из вертикально поставленных плит. Особое место среди памятников этой группы занимают курганы с вертикально поставленными деревянными столбами на площадке с погребениями внутри рва, рядом с жертвенными ямами. Известно три такого рода сооружения: Григориопольский курган 9 (шесть столбов), курган 1 у села Саратены (один столб) и курган 1 могильника Кубей (пять столбов) (рис. 6: 1). Наиболее полно конструкция, интерпретированная как святилище, зафиксирована в кургане Красное 9 (Серова, Яровой 1987).

Как правило, в погребении имеется сопровождающий инвентарь — чаще всего керамический сосуд, поставленный у головы или туловища, но в некоторых захоронениях, например, в Траповке, найдены только личные украшения (Субботин и др. 1995: 66, рис. 21: 4). Иногда в могиле, кроме сосуда, находится бронзовый нож (Огородное 1/16), украшения или и то, и другое вместе (Нерушай 9/82). Непременно присутствует охра в виде пятен и крупинок, главным образом, на черепках и костях конечностей, или значительных скоплений порошка и кусков краски на уровне скелета. Иногда краска насыпана в сосуд. Применялась красная, розовая и, как исключение, желтая или фиолетовая охра. Кроме охры, в могилах встречаются угли, кости животных. В нескольких случаях на некотором расстоянии от погребения имеется кострище (рис. 4: 1), каменная оградка с сосудиком или небольшая, возможно, культовая яма с черепками. Черепки, кости животных встречаются и на площади, ограниченной курганным рвом, в его заполнении, в курганных насыпях и кладках кромлехов (кости).

Керамические находки далеко не во всех случаях сохранились. Не были взяты с места раскопок или утеряны позднее черепки из рва под курганом 14 в Семеновке, черепок из основного захоронения кургана 11 в Сарате и некоторые другие. Преобладает керамика из теста с примесями толченых ракушек. В основном это небольшие изделия, представленные кубками, горшками и амфорами. Наиболее характерны кубки и амфоры с цилиндрической горловиной, посаженной на приплюснутый реповидный корпус с маленьким основанием (рис. 3: 3, 11—15; 4: 3; 5: 9). У сосудов тонкое строение, заглаженная или даже слегка вылощенная поверхность, покрытая на нелощеных экземплярах бороздами от гребенки. Часть фрагментов грубой толстостенной керамики, найденной вне погребений, тоже носит следы обработки гребенкой или характерного полосчатого сглаживания перед просушкой и обжигом сосуда. Орнаментация в основном имеет линейный характер, наносилась гребенкой, тонкой палочкой и перевитым шнуром, оттиски которого инкрустировались охрой (на сосудах из Каменки и Кубей), или прочерчивались, образуя вертикальные и горизонтальные линии. В тех или иных деталях эта керамика сближается с керамикой культуры Чернавода I и, в меньшей степени, с керамическим стилем Кукутень С (времени Кукутень АВ2 — Кукутень В). С элементами культуры Чернавода III можно отождествить такие детали сосудов, как ушки коленчатой формы, наличие в некоторых из них примесей шамота наряду с дроблеными раковинами (рис. 3: 3; 4: 3).

Значительной величиной и массивностью выделяется сосуд из Утконосовки, найденный в раздавленном состоянии в нижнем ярусе насыпи кургана 1 в 1971 г. (рис. 8: 17). К сожалению, этот плоскодонный сосуд не был сразу склеен, а только восстановлен графически, и от него мало что сохранилось. Это керамика с умеренным количеством примеси в черепке толщиной 8 мм по всей верхней части сосуда, плотная, бежевая, с пятнами светло-серого цвета. Кроме мелкодробленых раковин, в изломах видны редкие крупинки охры. Расширенная сверху шейка, имеющая закругленный и слегка отогнутый наружу край, отделена от тулова канавкой. Внутри и снаружи поверхность сосуда несет следы грубой штриховки в виде параллельных бороздок с полукруглым ложом шириной 2 мм, проведенных в еще непросохшей глине то горизонтально, то наискось, вероят-

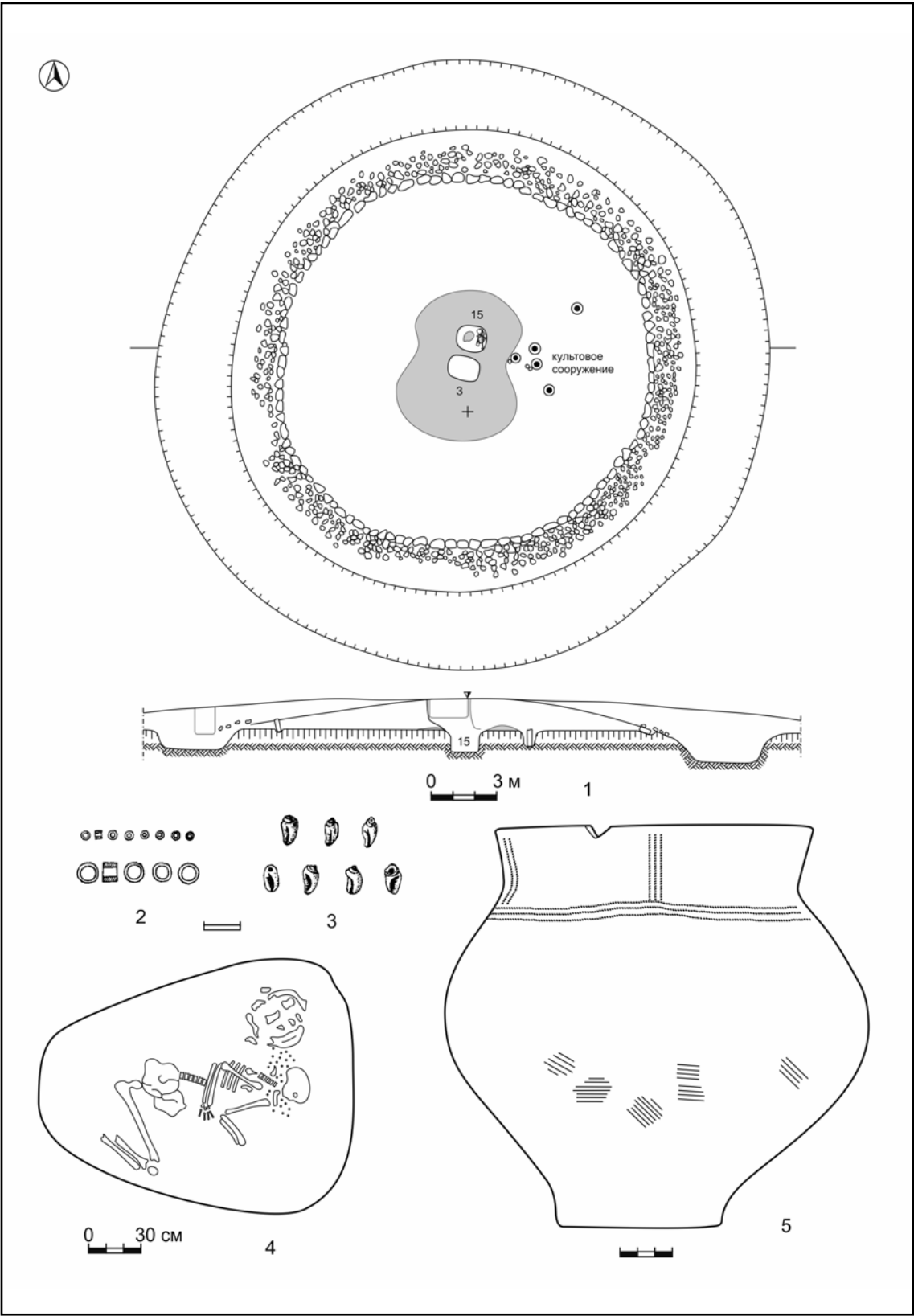

Рис. 6. Памятники типа Хаджидер: 1 — Кубей, курган 1; 2—5 — Утконосовка 3/2.

Fig. 6. Archaeological sites of the Khadzhide type: 1 — Kubey, kurgan 1; 2—5 — Utkonosovka 3/2.

но, шпателем с зубчатым краем, и затем заглаженных.

Среди украшений наиболее многочисленны и характерны мелкие черноморские раковины *Theodoxus euxinus*⁴, специально проколотые для соединения в ожерелья и набедренные пояски. Один такой поясик найден на скелете в Семеновке (232 бусины *in situ* от двух-трех низок) (рис. 5: 6, 7). Обращает на себя внимание большое количество этих раковин (521 экз.) в комплексе Утконосовка 3/2, возможно, украшавших прическу или головной убор (рис. 6: 3, 4). Низку таких же раковин в Нерушае дополняла подвеска из белемнита (?) с отверстием в верхней части, просверленным наискось поперек длинной оси (рис. 3: 5). Аналогичные каменные подвески известны как амулеты на поселениях периода СІ — начала периода СІІ культуры Триполье-Кукутень. В усатовской культуре, более поздней, чем эти поселения, среди типологически сходных изделий есть ретушеры и оселки.

Кроме раковин *Theodoxus euxinus*, использовались раковины *Dentalium* в виде трубнообразных пронизок длиной 12—14 и диаметром 4—6 мм (Богатое 3/1). Бусы и бисер цилиндрической формы составляли одно превосходное ожерелье цвета слоновой кости в Утконосовке 3/2. В низке имеется 695 бусин. Из них 6 бусин диаметром 6 мм, длиной 2,5—4 мм, с отверстием диаметром 3 мм. Остальные не совсем правильной цилиндрической формы диаметром 2 мм, но различной высоты от 1 до 2,5 мм, с отверстием диаметром всего 0,5 мм и пятнами окислов от найденных в могиле медных предметов (рис. 6: 2). Эти бусы не отличаются от типичных украшений усатовской культуры, тоже бусин, вырезанных из стержней «роговых» кораллов отряда горгонарий, но не ископаемых, а ныне живущих, южного происхождения (южнее Черного моря), вероятно, средиземноморских⁵. Возможно, из коралла сделан и бисер. В могильниках усатовской культуры и вкладах украшений культуры Кукутень-Триполье встречается аналогичный бисер из искусственного материала, предположительно фаянса или даже фритты (Островерхов 2001—2002: 388—390).

Другие украшения представлены подвеской из просверленного молочного зуба оленя (рис. 3: 2) и кольцом из круглой серебряной проволоки, сечение которой уменьшается от середины к несомкнутым концам (рис. 3: 7). Интересными аналогиями этому кольцу в энеолите степного Причерноморья являются плоские в сечении кольца, серебряное и золотое, найденное в упомянутом могильнике Саратены (рис. 5: 5).

Металл в погребениях хаджидерской группы встречается не только в виде украшений. В двух комплексах найдены ножи. Клинок ножа из Нерушая (рис. 3: 4) почти полностью уничтожен коррозией, но удовлетворительно сохранился полукруглый фланец с тремя выемками, зажатый между костяными пластинами фигурной рукояти длиной 96 мм. Пластины одинаковой толщины 3 мм идеально подогнаны одна к другой по контуру и плоскостям, тщательно обработаны тонкозернистым абразивом, снявшим все выступающие острые края и неровности заготовок; не закруглены только края обеих соприкасающихся поверхностей. Сборка изделия осуществлялась с применением четырех медных или бронзовых заклепок и дюжины костяных штифтов, вставленных в сквозные отверстия диаметром 3 мм в пластинах. Продуманный выбор и компоновка крепежных деталей довели практичность и эстетические качества этого изделия до определенного совершенства. Металлическая часть и рукоять скреплены тремя заклепками, округленные шляпки которых возвышались над пластинами, обеспечивая упор руке при работе ножом. Костяные штифты вмонтированы заподлицо. Только один штифт на самом конце рукояти медный для более прочного соединения пластин. В отверстие под ним продевался шнур или ремешок для надежного удержания ножа в руке и предотвращения его случайной потери. Превосходно сохранившийся нож длиной 182 мм из Огородного имеет рукоять обтекаемой формы и ромбическое в сечении лезвие. Принцип соединения деталей изделия тот же, но рукоять длиннее, чем у ножа из Нерушая, и, соответственно, штифтов-заклепок вставлено больше (19), и все они были медные или бронзовые (рис. 4: 4).

Медные или бронзовые пластинки, предположительно, фрагменты ножей, найдены в комплексах Рошканы (рис. 5: 8) и Надлиманское, но в последнем случае отношение памятника к хаджидерской группе нельзя считать установленным. Металлические изделия, судя по следам в могилах (на костях), были

⁴ Раковины определены в Институте биологии южных морей Национальной Академии Наук Украины (И. А. Синегуб).

⁵ Определения выполнил В. Ф. Петрунь (не опубликованы).

также в погребениях Нерушай 10/12 и Утконосовка 3/2.

Находки изделий из мышьяковой бронзы в позднем энеолите юго-запада Украины ставят проблему определения места их производства. Сейчас можно только наметить вероятный путь решения за счет выделения нового металлообрабатывающего очага, который, на мой взгляд, следует локализовать на восточно-карпатской территории культуры Кукутень В. В том же ареале сосредоточены небольшие меднорудные месторождения (Черных 1976: 19—20). С усатовской культурой этот гипотетический очаг, кроме времени и места, связывает металл, которым, бесспорно, являлась мышьяковая бронза. Кроме Кукутень В, этот очаг, возможно, отчасти охватывал своей продукцией культуру Чернавода I, что вытекает из совпадения у них некоторых типов изделий («крюк», нож, шило) и, особо подчеркнем, состава металла, как ясно показывают спектральные исследования (Popovici 1983: 9).

Но это влечет за собой предположение о существовании некоего единого производственного центра, который после этапа Кукутень В (Триполье CI) сосредоточился на обеспечении усатовской культуры, что соответствует уже упомянутой версии И. Вайсова. При этом нельзя не заметить, что кукутенская находка приурочена к относительно компактному району Молдовы и запада Украины, где серийно представлены ножи с перфорированными черенками, в усатовской культуре практически отсутствующие. По трипольской шкале все эти находки приходятся на этап CI и переход к этапу CII, по кукутенской — на синхронный этап В: из пещеры Бильче-Злота Вертеба (Мовша 1985: 232, рис. 61: 6), Тыргу-Окна Подей, Хэнешть (Comşa 1987: fig. 20: I). На этих памятниках такие ножи не являются единичными металлическими артефактами. Есть еще нож, характерный для словацкой группы Лажняны (ср.: Comşa 1987: fig. 20: I-14; Šiška 1972: Abb. 35). Есть поделки, напоминающие плоские крюки или очень короткие кривые ножи, есть тесло «усатовского» типа и топоры с крестообразными двойными лезвиями (см.: Comşa 1987: fig. 20: I; Schmidt 1932: Abb. 30: 14; Matasă 1964: fig. 8: 26; Harţuche 1980: fig. 16: 1). Кроме культуры Кукутень В, однотипные находки охватывают еще и северные памятники культуры Чернавода I (Сэрата-Монтеору, Рымничелу и др.). Помимо хронологии, эти вещи объединяет вторая, но еще более важная де-

таль — они отлиты из мышьяковой бронзы, что ясно показывают как старые (Schmidt 1932), так и новые спектральные анализы (Popovici 1983) (табл. 1).

Получается, что этот гипотетический производственный центр на время Усатово во многом изменил ассортимент (ножи) и добился исключительных результатов в таком виде продукции, как боевые кинжалы. Так или иначе, в технологическом отношении и по совершенству моделирования кинжал типа Усатово 1, как, впрочем, все «большие» кинжалы Усатово, для своего времени отвечают самому высокому уровню и, кроме того, свидетельствуют о профессиональном знании оружейного дела. Предлагаю назвать этот очаг восточно-карпатским

Связи хаджидерской группы с культурой Кукутень-Триполье дают возможность опираться на радиоуглеродную шкалу этой культуры при датировке группы. Даты памятников конца периода VII — ранней части периода CI культуры Кукутень-Триполья указывают на конец IV — начало III тысячелетия по радиоуглеродной хронологии как на время существования хаджидерской группы. Кроме того, уточнена радиоуглеродная датировка культуры Чернавода I, тесно связанной с хаджидерской группой. Три даты, которые были получены для этой культуры прежде, представляются омоложенными. Точно не известна привязка к слою материала, подвергнутого датировке. Высказано предположение, что эти даты могут отражать конец существования Чернаводы I (Бояджиев 1993). По образцу угля из нижнего слоя эпонимного поселения Чернавода получена новая дата: 4710 ± 100 BP (Bln-1061). Она не противоречит представлениям о кукутенских связях Чернаводы и согласуется с датировкой тесно связанной (родственной) с ней культуры Певец (поселение Овчарово-Плато: 4885 ± 80 Bln-1511, 4910 ± 60 Bln-1510, 5025 ± 60 Bln-1547) (Тодорова и др. 1983: 26), с датами поселения Хотница-Водопад. Для этого поселения получено пять дат (Pičeva 1986); четыре из них ложатся в интервал 4950 ± 60 — 4830 ± 60 BP, и только одна дата 5110 ± 50 (Bln-3682) выпадает из этого интервала. Вообще говоря, новая дата мало что дает для уточнения хронологии культуры Чернавода I, на эпонимном памятнике которой выделяется 3 самостоятельных слоя, имеющих суммарную мощность около 3 м. Остается только догадываться, к какому слою эта дата имеет отношение.

Для определения хронологического места хаджидерской группы имеются 5 радио-

Таблица 1.
Результаты спектрального анализа металлических изделий из
памятников хаджидерской группы, Кукутень В и культуры Чернавода I

Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
Нерушай 9/82, нож (Черных 1970)												
Осн	0.002	0.002	–	0.002	0.4	0.014	2	0.04	0.06	–	0.003	>0.003
Тудорово, шило (Мелюкова 1962)												
Осн	0.01	0.01	–	0.01	+	0.1	1.5	0.2	0.01	–	–	–
Тудорово, долото (Мелюкова 1962)												
Осн	0.01	0.05	–	0.04	+	0.02	2	0.1	0.07	0.01	–	–
Тудорово, нож (Мелюкова 1962)												
Осн	0.01	0.01	–	0.01	+	0.01	2	–	0.01	0.01	–	–
Траповка 10/14, кольцо (Ольговский 1988)												
<1	<0.0002	0.008	–	0.005	Осн	–	–	0.005	–	–	–	<0.001
Сэрата Монтеору, нож (Popovici 1983)												
Осн	–	–	–	0.004	0.02	–	1.4	–	0.01	–	–	–
Тыргу Окна-Подей, нож (Popovici 1983)												
Осн	–	0.094	–	0.007	0.014	+	2.7	+	0.01	–	–	–
Тыргу Окна-Подей, «крючок» (Popovici 1983)												
Осн	0.02	0.037	–	–	0.01	–	1.85	+	+	–	–	–
Тыргу Окна-Подей, шило (Popovici 1983)												
Осн	–	–	–	–	0.01	–	1.22	+	+	–	–	–
Сэрата Монтеору, обломки топоров (Popovici 1983)												
Осн	–	–	–	+	0.01	–	1.05	–	+	–	–	–
Осн	–	+	–	–	0.01	–	1.3	+	+	–	–	–
Сэрата Монтеору, шило (Popovici 1983)												
Осн	0.05	0.05	–	–	0.07	+	0.27	+	0.01	–	–	+
Ариушд, нож (Popovici 1983)												
Осн	0.03	0.09	–	–	0.31	–	1.35	+	+	–	–	–
Вишоара, нож (Popovici 1983)												
Осн	–	–	–	–	0.35	–	–	0.05	–	–	–	–
Вишоара, тесло (Popovici 1983)												
Осн	–	+	–	+	0.02	–	1.55	–	+	–	–	–
Кукутень, тесло (Schmidt 1932)												
Осн					+		1.53	0.24*		0.19		
Кукутень, шило (Schmidt 1932)												
Осн							1.14	0.15*				
Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au

Примечание: звездочкой отмечены показатели Fe₂O₃ (Кукутень).

углеродных дат. Две из них, полученные по остаткам древесины из погребения 6 кургана 14 Семеновского могильника, противоречивы и потому ненадежны: Ки-2165, 5400±60 ВР, 4370±78 ВС (Петренко и др. 2003: 29) и Ki-7089, 4135±60 ВР, или 2703±84 ВС (Назаров, Ковалюх 1999: 75). Очевидно, это даты невысокого класса. Не удалось достичь убедительного результата и путем изотопного датирования образца из эпонимного комплекса (табл. 2):

Далее, эпонимный Хаджидерский комплекс с биконическим сосудом Триполья CI–Кукутень В показал дату 4640±70 ВР (Ki-9528), равные которой известны и для трипольско-кукутенских памятников этого периода, но не могут расцениваться иначе, как аномальные. Эта неудача в какой-то мере компенсируется радиоуглеродными датами двух других древнейших курганов: Красное, курган 9-5180±30 ВР, ЛУ-2455 и Саратены, курган 1-5140±40 ВР, ЛУ-2454 (Яровой 2000:

Таблица 2.

Результаты радиоуглеродной датировки погребения из могильника Хаджидер I

Объект	Образец	Лаб.№	ВР	BC (1σ)	BC (2σ)
Хаджидер I, курган 6, погребение 4.	кости человека	Ki-9528	4640±70	3617—3609 3521—3349	3635—3553 3541—3311 3235—3171 3159—3117 3113—3103

17). Оба значения установлены по образцам древесины жертвенных (?) столбов, стоявших под курганными насыпями. Даты «святилищ» могут указывать на хронологию ранней части хаджидерской группы, приходящуюся по трипольско-кукутенской шкале на переход от периода ВІ к периоду ВІІ, не документированный в степи находками кукутенских керамических «импортов» (кроме спорных курганов в Думянах). Радиоуглеродное время этого перехода определяется интервалом 3300—3110 гг. до Р.Х. Упомянутая дата эпохи Чернаводы приходится на позднюю часть периода СІ — начало периода СІІ и может рассматриваться как маркер конца существования группы. Эта дата переведена в реальную, «календарную» хронологию с учетом калибровочных поправок: 3633—3360 (1σ), 3770—3136 (2σ).

Сопоставляя даты Саратен и Красного с трипольско-кукутенскими по данным лаборатории Гейдельберга, можно удостовериться, что они ложатся в широкий диапазон: от периода А-В1 культуры Кукутень (Кукутень-Дымбул Морий) до В1. Размах хронологических данных Берлинской лаборатории еще шире: от Кукутень А4 до Кукутень В. Еще менее уравновешены даты, полученные в Киеве. Противоречивые даты Семеновки дополнительно усложняют ситуацию с датировкой. Эти три степные даты показывают, что в перспективе можно ожидать получение столь же сложной и подчас противоречивой последовательности радиоуглеродных определений, каковая ныне имеется для культуры Кукутень-Триполье. Трудно сказать, насколько корректно сопоставлять даты степных комплексов с «конвенциональными» рубриками хронологических этапов Триполья-Кукутень, но если пойти по этому пути, то получим неоднозначное соответствие этих дат периоду Кукутень АВ. Таким образом, период существования группы Чернавода — Хаджидер ложится в интервал 3630—3360 гг. (при 1σ) или, при удвоенном стандартном отклонении (2σ), 3770—3136 гг. до Р.Х.

Свидетельства хозяйства хаджидерской группы крайне ограничены. Кости животных, найденные в погребальных комплексах этой группы, к сожалению, определены не все. В кромлехе кургана у с. Сарата находились кости домашней овцы и верхняя челюсть лошади. Насколько нам известно, это пока единственная находка костей лошади в столь раннем степном комплексе. Яма 1 кургана 3 у с. Копчак содержала кости трех видов домашних животных: мелкий и крупный рогатый скот, свинья (Бейлекчи 1990: 44). В жертвенной яме Григориопольского кургана 9 найдены обломки роговых отростков и черепов двух домашних особей *Capra sp.*, а на дне ямы — черепа тура или зубра и двух особей крупного домашнего рогатого скота (Серова, Яровой 1987: 78, 123). Этим материалом исчерпываются данные о скотоводстве и охоте. Но скотоводство не могло бы существовать в степи без земледелия.

Косвенным указанием на существование земледелия в хозяйстве этой группы являются зоны атлантического периода спорово-пыльцевых диаграмм. Разрез отложений в долине реки Ялпуг у села Чумай показывает присутствие в спектрах пыльцы хлебных злаков (*Cerealia*) и характерных сорных растений в ареале хаджидерской группы, начиная с глубины 3,1 м от современной поверхности, со времени 5550±70 ВР. На сосуде из погребения Кубей 21/11 имеется отпечаток зерновки пшеницы-однозернянки *Triticum monocossum* L. (определение З.В. Янушевич). Если этот сосудик не является керамическим импортом, то отпечаток может служить указанием о существовании земледелия у населения хаджидерской группы пшеницы-однозернянки (культурных растений могло быть и больше). На Михайловском поселении, в нижнем слое которого ощущается вклад культуры Чернавода, земледелие тоже засвидетельствовано немногочисленными отпечатками (всего 9, очевидно, для этой керамики они не характерны): *Triticum dicocum*, *Hordeum vulgare*, *Panicum miliaceum*, *Vicia sp.* (Пашкевич 2000: 411).

Антропологический облик людей, оставшихся памятники хаджидерской группы, характеризуется по черепу из могильника Кошары II, погр. 20 (по К. В. Зиньковскому), как протоевропеоидный, по черепам из погребальных комплексов Холмское, Богатое, Нерушай — как смягченный вариант средиземноморского расового типа (Зиневич 1970; Потехина 1991).

Городище Орловка

Нижнедунайское городище, открытое в середине XIX в. у села Орловка (тогда Картал), характеризуется по результатам систематических исследований как многослойный фракийский памятник и римское укрепление (Головки и др. 1965; Бондарь 1971). Ранний железный век, действительно, определяет профиль отложений этого неординарного памятника. Тем не менее, начиная с первого года раскопок (1963), из виду никогда не упускалось то обстоятельство, что на городище нерегулярно представлен энеолит. Свидетельства энеолитической эпохи были неизменно малочисленны, и огромный основной материал памятника объективно не позволял акцентировать на них внимание. Черепки с толченой ракушкой в примесях, единичные обломки расписной трипольской посуды и пр. представлялось возможным связать с Усатово, хотя полной уверенности в этом не было. Спорадический характер и не вполне ясная культурная атрибуция такого рода находок побуждали не торопиться с обобщениями и публикацией. Теперь, систематизируя орловские коллекции, пора четче определиться с этой небольшой, но актуальной категорией материала.

Отметим, прежде всего, насколько своеобразна и потому интересна топография памятника (рис. 7: 1, 2). Урочище «Каменная гора», в котором он расположен⁶, представляет собой локальное поднятие палеозойских пород, выходящих на поверхность глинистыми сланцами девонского периода (Геологические памятники... 1985: 96; Геоморфологическая карта... 1981). Эта четко очерченная округлая

возвышенность и прикрепленный к ней участок аккумулятивной террасовой равнины четвертичного возраста образуют мыс, вдающийся в пойму между оз. Кагул и Дунаем («врезание» более 1 км). Дунай просматривается с «Каменной горы» на десятки верст, но прямого выхода к нему нет, поскольку местность изрезана ериками и заболочена. Озеро Туркое и один ерик (гирло Каменное) почти вплотную охватывают мыс сплошной полосой воды.

Продолговатая и относительно плоская в пределах площади 115 × 220 м макушка «Каменной горы» вытянута в длину с юга на север и со всех сторон ограничена ниспадающими склонами. Высота этого своеобразного «вершинного плато» колеблется в пределах 16,6—23,6 м от линии уреза воды в ерике (на ноябрь 1960). В абсолютной (балтийской) системе максимальная высотная отметка составляет +28 м. Самый высокий участок приурочен к особенно крутому, местами почти отвесному западному склону, образующему лобовую часть мыса. Противоположный, восточный склон опускается в глубокую балку, которая могла заменять в древности ров или развиться на его месте. Въезд на «Каменную гору» сбоку, с северной стороны мыса. Именно на этой стороне, которая характеризуется пологостью и наличием относительно ровной площадки (1-й надпойменной террасы Дуная?), в 300 м от «Каменной горы» расположено окольное селище Орловка II — своеобразный посад или, точнее, «подол» городища. На южной стороне мыса, которая заметно круче северной, находится грунтовый могильник (возможно, не один).

Объективно оценивая условия «Каменной горы», приходится признать, что каменистая труднодоступная площадка высотой в среднем около 20 м (в периоды морских регрессий еще выше) является далеко не идеальным местом для жизни людей. Пожалуй, только милитаризованный этнос мог бы выделить здесь как достоинство то, что другими было бы сочтено явным недостатком. Понятно, для чего понадобилась «Каменная гора» гето-дакам во времена Буребисты, которые превратили ее в крепость, и римлянам, создавшим здесь кастел (*castella murata*?) (Бондарь 1984). Закономерно существование при этих крепостях «посадских» поселений, Орловки II (возможно, в какой-то период и ради «двойной» обороны). Однако совсем нелегко понять, чем был обусловлен, например, выбор носителей культуры Басарабь, если ее мощный зольный слой на «горе» — это еще одно поселение, такое же, как Орловка II. Известно, что за Дуна-

⁶ Значительный ущерб памятнику причинил карьер, возникший в 1960 г. Коренные породы «Каменной горы» разрабатывались взрывными и механическими средствами. До начала систематических охранных раскопок (1963) была частично уничтожена западная периферия городища. За счет уникального памятника археологии и природы автодороги получили строительный материал, а геология — опорный разрез, который «имеет большое научное значение» (Геологические памятники... 1985: 96).

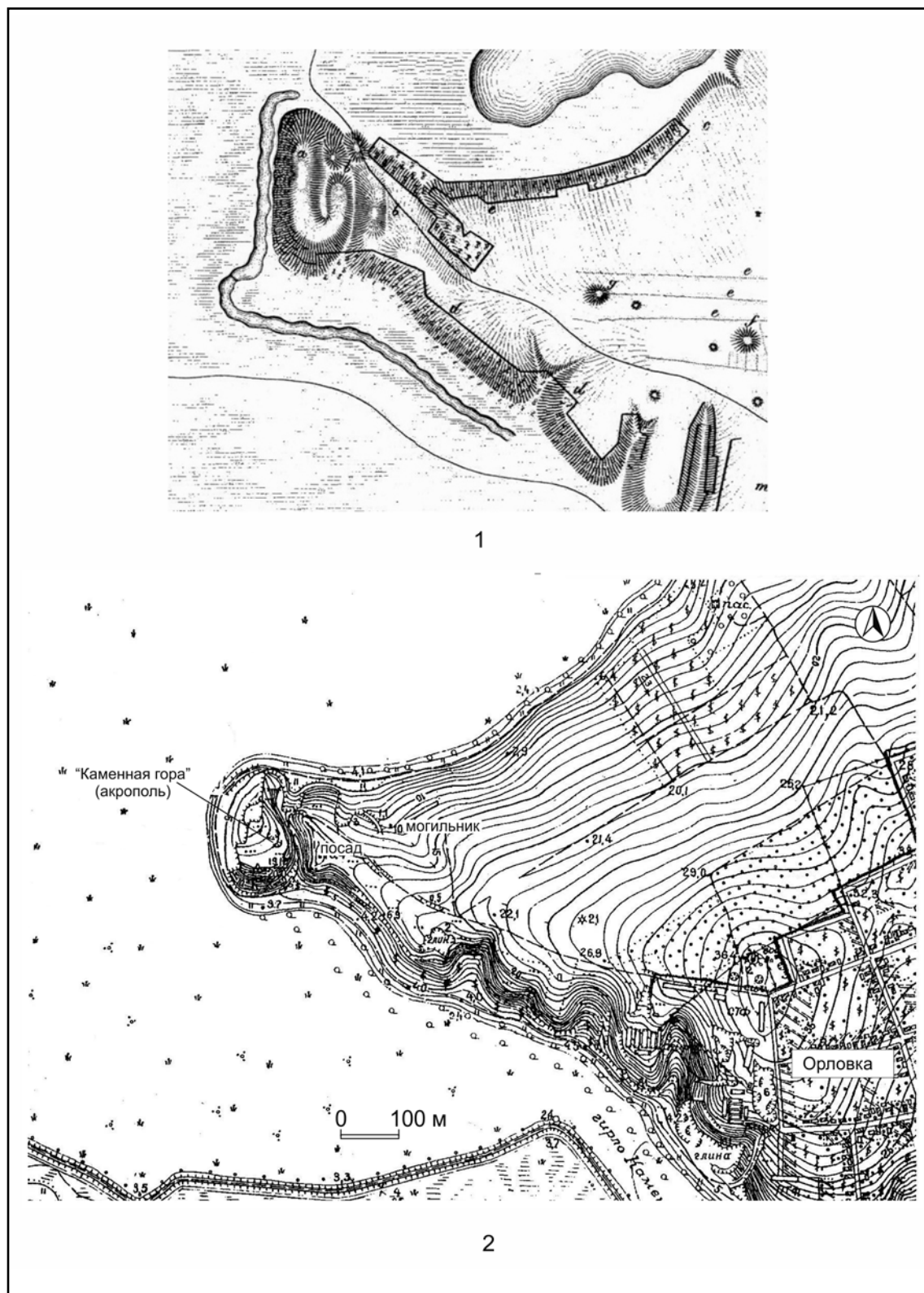

Рис. 7. План местности, где расположен археологический комплекс Орловка-Картал: 1 — середина XIX века; 2 — 70-е годы XX века.

Fig. 7. Plan of locality with the archaeological complex of Orlovka-Kartal: 1 — middle of the 19th century; 2 — 70th of the 20th century.

ем эта культура не знала фортификации и часто представлена зольниками (Pippidi, Berciu 1965: 88; Guma 1993: 217). Так или иначе, для постоянного поселения эпохи палеометалла «Каменная гора» малопригодна. Отсюда, как нам представляется, специфический, обедненный спектр находок этого времени на «горе» и накопление на ее площадке мощной свиты отложений раннего железного века.

Культурный слой городища подстелен сланцами, но чаще их покровом из суглинка/глины и в среднем имеет толщину 2,3 м (с учетом заглубления в «материковые» породы). Наиболее мощный слой — 4,2 м отложений — отмечен у западного склона в центральном секторе городища (раскоп А). По краям толщина культурного слоя снижается до 1,3 м (северный сектор — участок раскопа В). Характерна четко выраженная золистость отложений, особенно догетских. Несмотря на повсеместно заметные свидетельства активной строительной деятельности римского времени, стратиграфия отслеживается более или менее четко, начиная с Бабадаг-Басарабь. Энеолит как самостоятельная стратиграфическая единица не читается, а относящиеся к нему находки (главным образом, черепки) отмечены в отложениях с тем или иным фоновым материалом, преимущественно эпохи гальштата. Однако это еще не означает, что на раскопанных участках нет абсолютно никаких энеолитических объектов. Окончательное суждение можно будет вынести по сведенной воедино полевой документации, а эта работа еще не завершена. Сейчас ясно одно: отсутствие очевидных признаков культурного слоя энеолита на городище не может быть объяснено только как результат интенсивного освоения «нагорной площадки» в железном веке. Это особенность данного энеолитического памятника, по крайней мере, его исследованных участков.

Что касается материала, то на «Каменной горе» представлены, прежде всего, две группы лепной энеолитической керамики из формовочных масс с толченой ракушкой в качестве единственной (видимой) или основной примеси. Кроме ракушки, в некоторых черепках отмечен шамот или крупинки охры, а иногда и та и другая добавки вместе. В отдельных случаях толченая ракушка дополнена песком. При этом для одной, численно преобладающей, группы находок характерны обильные и относительно грубые примеси, пористая текстура, толстые стенки, небрежно обработанные и оттого не всегда достаточно ровные шероховатые поверхности, в основном добротный

обжиг, который бывает трехслойным, светло-коричневая или бежевая с серым оттенком тональность черепка. Характерна также локальная или сплошная обработка поверхностей зазубренными шпателями с прямыми зубцами, одинаковой или разной величины в одной т. н. гребенке. Второй, высококачественной, группе присущи тонкоструктурные массы с минимальными примесями, признаки высокотемпературного обжига, при котором иногда случались пережоги продукции, что видно по специфическому поверхностному растрескиванию стенок («кракелюры»), обязательно ровных, хорошо выглаженных и нередко даже вылощенных. При этом излом черепка равномерно серый, а наружные ангобированные (?) поверхности имеют желтоватый, бледно-терракотовый или розоватый оттенок.

Формообразование керамики как первой (рис. 8: 1, 2, 5, 7, 8, 15), так и второй группы (рис. 8: 3, 4, 9—11, 13, 14, 16) характеризуется двумя вариантами профилировки: доминирующей слабой, с мягкими переходами элементов, и сильной, с резкими перегибами. Отмечены сужающиеся сверху и цилиндрические горловины с прямым или слегка отогнутым наружу, плоским, а иногда немного утолщенным краем. В ограниченном наборе форм представлены миски, различные варианты горшков, сосуды типа «молочников» (с ушками у края горловины), а также амфоры (в т. ч. миниатюрные экземпляры). Встречены обломки горловин с упорами в виде двурогих пластических выступов. Часть изделий не имела орнамента. Орнамент обычно включает оттиски штампов (шнуровых или имитирующих шнур в коротких прямых или изогнутых гусеничных отпечатках), желобок или прочерченные линии, подчеркивающие переходы форм от горловины к корпусу. Налицо определенная целостность, выраженная в формах керамики, ее стиле, технологических и фактурных признаках. Наряду с посудой представлена антропоморфная пластика (рис. 8: 6).

Есть определенное сходство этой керамики с усатовскими памятниками, и это само по себе совершенно неслучайно и примечательно. Но археологический локус, с которым она однозначно соотносится, более архаичен и предельно конкретен — это поздний энеолит Западного Причерноморья: культура Чернавода I (Morintz, Roman 1968: 47—80). В наличии материала есть (рис. 8: 14, 16) едва ли не дублиеты ряда известных находок, например, из Хыршовы (Haşotti 1997: fig. 142: 6).

По ныне действующей периодизации культуры Чернавода I, материал городища Орло-

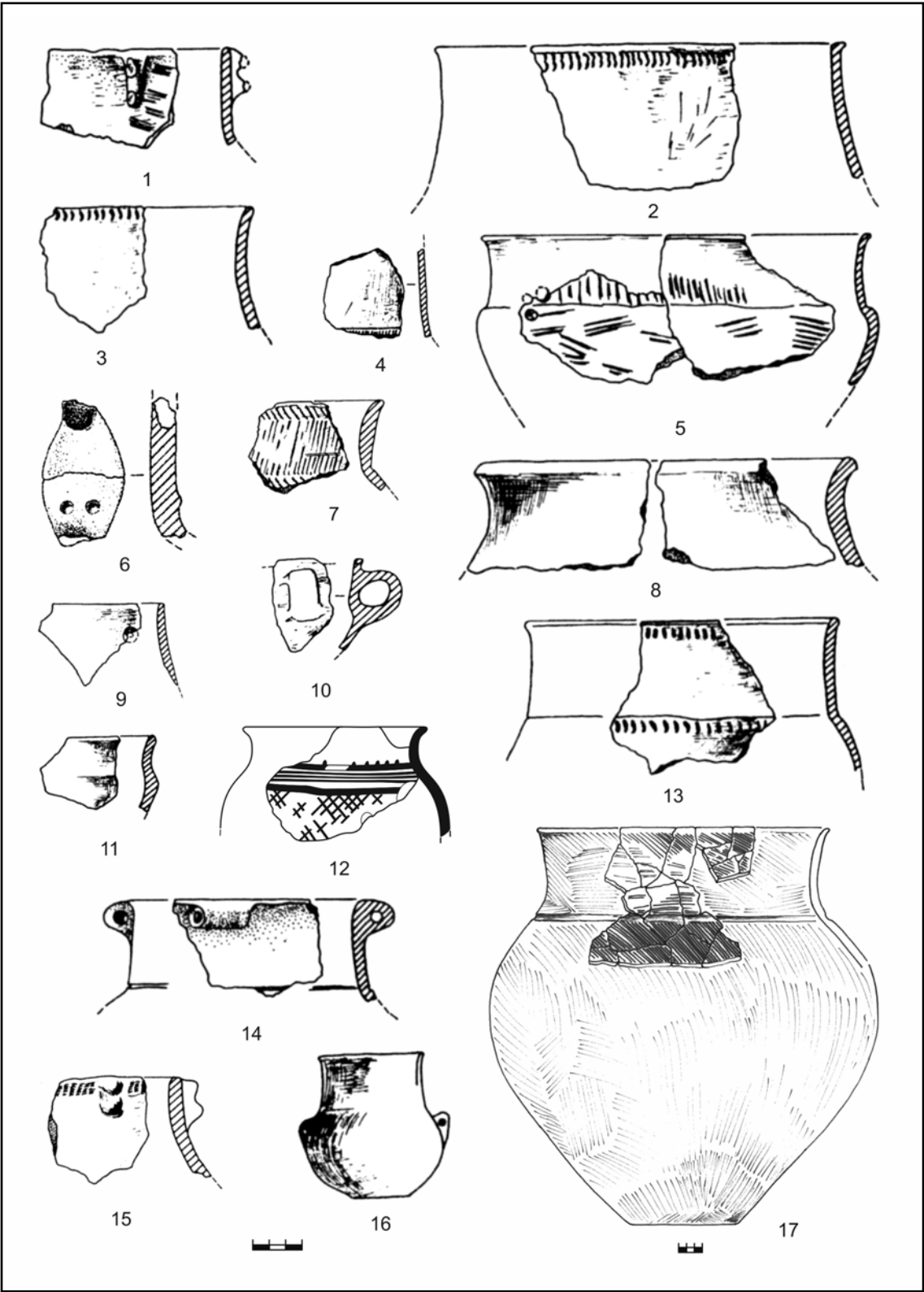

Рис. 8. Материалы позднего энеолита: 1—16 — поселение культуры Чернавода I на археологическом комплексе Орловка-Картал; 17 — Утконосовка, курган 1, сосуд из насыпи.

Fig. 8. Material of the late Eneolithic: 1—16 — settlement of the Cernavodă I culture at Orlovka-Kartal; 17 — Utkonosovka, kurgan 1, vessel from the mound.

вка четко вписывается в характеристики средней (Ib) (Haşotti 1997: 122—125, 135—136, fig. 136—145) и, особенно, поздней (фаза Ic, или тип Рымничелу) (Hartuche 1980: 86) фаз этой культуры. Принципиально поздним явлением в Чернавде I признаны, в частности, трубообразные (или т.н. туннельные) ручки сосудов фазы Ic (рис. 8: 14). Пока не ясно, о чем свидетельствуют специфические ингредиенты в керамической примеси Орловки (шамот, песок, охра). Быть может, это тоже указание на хронологию: песок характерен для керамики культуры Чернавда III, как полагают, сложившейся на основе поздней Чернавды I (Morintz, Roman 1968: 77 u. a.). Не исключено, что это локальный признак. Охра и шамот есть в чернавдской керамике ряда Буджакских погребальных комплексов, яма с «запасом» охры известна в эпонимной Чернавде (Morintz, Roman 1968: 47). Или аналогичные особенности керамики просто еще не прослежены на материале чернавдских памятников Румынии?

С культурой Чернавда I связывается основная генетическая линия Усатово и памятников его круга (Петренко 1989; Petrenko 1996; Петренко 2003). Стоит еще раз отметить, что в этом направлении «работает» не только керамика (сосуды), но и другие проявления исходной культуры, в частности, антропоморфная пластика. Преемственность, в принципе, демонстрируется редкой индивидуальной находкой — статуэткой⁷ из раскопа 1969 г., квадрат 104, Орловка I (рис. 8: 6). Кроме давно и хорошо известных керамических фигур, определяющих ее культурно-типологическую позицию (эпонимная Чернавда, Красногорка, Маяки), должны быть названы и важные новые образцы, из Терновки (Савва, Клочко 2002: 164—168). С учетом несомненного трипольско-кукутенского вклада (как представляется, с наибольшей полнотой выраженного в пластике Кошиловцев) эти находки определенно позволяют буквально «пошагово» отследить особую линию в генезисе антропоморфных пластических форм усатовской культуры.

Однако еще более значимым в свете новых исследований (Петренко 2003; Петренко и др. 2003) оказывается вопрос о типе поселений Чернавды I, о том, что у них общего с соответствующими усатовскими памятниками (Усатово-Куяльник, Маяки). Примечательно,

что Орловка — это гнездовой, комплексный памятник. Оказывается, культура Чернавда I представлена здесь не только на «Каменной горе» (иначе в Орловке I). Аналогичная керамика выделяется и в Орловке II. Небольшую, но выразительную серию таких находок собрала Украинско-Румынско-Молдавская экспедиция 1998—1999 гг. (В. П. Ванчугов, И. Т. Никулицэ, В. Сырбу)⁸. Но это не первый материал. Равноценные данные по Орловке II были получены при участии К. В. Зиньковского (1970). Ниже поздних слоев с единичными «ракушечными» черепками (усатовскими, как тогда считалось) было зафиксировано отложение *in situ* материала культуры Болград-Алденъ (Гумельница)⁹. Залегание остатков культуры Чернавда I поверх слоев Гумельницы — типичная стратиграфическая ситуация. Новые результаты дали работы, начатые в Орловке II с 2001 г. под руководством И. В. Бруяко. Здесь выявлен комплекс, который включает в качестве основного объекта ров с послойным наполнением культуры Чернавда I, врезающийся в слой Болград-Алденъ (Бруяко и др. 2003). Этот ров по структуре наполнения и профилю абсолютно идентичен рвам ритуального городища Маяки усатовской культуры и рвам эпонимной Чернавды (Morintz 2001: 128, fig. 12). Особенно показательны рвы последней, которые трижды выкапывались на одном и том же месте (один в другом), неизменно подвергаясь поэтапной (послойной) засыпке с большим количеством костей и черепков. Очевидно, этого рода объекты не имеют отношения к фортификации, несмотря на попытки именно такой подачи этих сооружений (Morintz 2001: 131, fig. 15).

К сожалению, объективная информация о том, что собой представляют основные памятники культуры Чернавда I, открытые в Румынии, за редким исключением, недостаточна. Но определенно можно сделать вывод, что для Чернавды I характерны объекты типа зольников. Это могут быть небольшие курганообразные насыпи, центрированные очажными или «жилыми» ямами и свободно расположенные на значительной площади, как показали раскопки поселения Рымни-

⁸ Эта керамика была обработана и определена для отчета этой экспедиции автором данного раздела.

⁹ Материал Болград-Алденъ давно известен здесь по сборам с поверхности (Черныш, Черняков 1964: 96). Поэтому не понятно, по каким соображениям проведено умозрительное «перенесение» поселения этой культуры снизу вверх, с Орловки II на «Каменную Гору» (Субботин 1986: 44—45).

⁷ Коллекция Одесского археологического музея НАНУ, инв. № 81815.

челу (Hartuche 1980: 37—40). В случае телля Хыршова — это единый массив («жилой бугор», «зольный холм») с локальными свитами чередующихся зольных и прокаленных глинобитных слоев (Haşotti 1997: 126—129, fig. 119). Теперь известны и послойно наполненные рвы (эпонимная Чернавода, Орловка II). Словом, памятники культуры Чернавода I (как и усатовские), несомненно, интересны для того направления науки, которое определилось в последние годы как «зольничная археология», и «Каменная гора» среди них, возможно, не окажется исключением. Если культура Чернавода I, как и Усатово, представлена обрядовыми памятниками, то это корректирует ход всех дальнейших интерпретаций, в первую очередь, обостряя вопросы экономического уклада и образа жизни популяции. К сожалению, из-за недостаточной изученности курганов на территории Румынии пока не известны четкие погребальные комплексы, которые можно было бы соотнести с Черनावодой I. Но такие курганные захоронения известны в Буджакской степи как памятники хаджидерского типа (Петренко 1989; Petrenko 1996). В орловских коллекциях находит прямые аналогии ведущая группа керамики памятников этого типа: с толченой ракушкой в качестве основной примеси, с характерной обработкой стенок орудиями в виде гребня (Кале, Каменка, Нерушай, Огородное, Утконосовка и др.).

Далее, обратим внимание, что поздний энеолит в Орловском комплексе не ограничивается культурой Чернавода I. Во-первых, не исключено выделение здесь серийного материала Черनावоды III: пока отмечены первые находки (в Орловке I и II), но с ней же, в принципе, могут увязываться и некоторые проиллюстрированные здесь образцы (рис. 8: 11, 14). Во-вторых, на орловских памятниках есть тонкая лощеная керамика, явно близкая по орнаментации не к чернаводским, а к усатовским стандартам (рис. 8: 4). В-третьих, представлена керамика, в том числе из отмученной глины с черной (темной) росписью в виде сетки (рис. 8: 12), присущая наряду с другой, лощеной посудой этого же стиля (шнуровой и резной орнамент) (рис. 9: 12) особому горизонту степных курганных комплексов Днестровско-Дунайского региона (Суботин, Петренко 1994: 101—102)¹⁰. Позиция данного горизонта, вы-

деленного в качестве позднейшего в усатовской культуре, должна быть пересмотрена, по крайней мере, в хронологическом отношении. Основанием для этого, в частности, являются архаичные черты и определенная типологическая самостоятельность расписных сосудов этого горизонта, включая нашу находку, по сравнению с ныне известными вариантами расписной керамики позднего Триполья-Кукутень (этап СII) (рис. 9: 2, 4, 7, 8, 10). Показательно также наличие родственной по стилю нерасписной посуды в культуре Чернавода III и, что особенно важно, в позднейших памятниках Черनावоды I значительно южнее Орловки, а именно на поселении Ульмень (Morintz, Roman 1968: 63, 69, Abb. 13; 7).

Представляется, что значение Орловки как энеолитического памятника определяет выведенный контекст (Чернавода — Усатово) с перспективной возможностью включить в него разные горизонты курганных древностей Северо-Западного Причерноморья. Материал обнаруживает четкую и совершенно конкретную привязку к комплексам (и не только погребальным) Буджака и отчасти степной территории к востоку от Днестра (Усатово — Большой Куяльник). Очевидно, Орловский комплекс памятников призван сыграть не последнюю роль в изучении позднего энеолита Нижнего Подунавья и Поднестровья.

Орловка является в Буджаке не единичным объектом культуры Чернавода. Еще одно местонахождение, скорее всего, также относящееся к ритуальным площадкам, представлено ямами на территории могильника Дивизия. Яма 1 обнаружена на участке скифского кургана 20, Она неправильной округлой формы, диаметром 1,1 м, заполнена черноземом с белоглазкой. Дно в восточной части углублено на 0,2 м, в стенке имела ниша глубиной 0,8 м, высотой 0,6 м. В заполнении найдены кости крупного и мелкого домашнего рогатого скота и один черепок. Цилиндрическая яма 3 с бедным, но выразительным материалом (керамика, обломок обожженной обмазки или какого-то изделия из глины с растительными примесями) в районе энеолитических,

¹⁰ На основании этой керамики могильник Желтый Яр был причислен В.Г. Петренко к архаической ступени усатовской культуры (Петренко 2013: 170, рис. 35: 13, 14). Однако в иллюстративной таблице к настоящей статье погребение 5/14 этого могиль-

ника было помещено автором вместе с материалами хаджидерского типа, возможно, из-за амфоры со шнуровым орнаментом, которая по всем признакам соответствует керамике культуры Чернавода I в Орловке. Это в очередной раз подтверждает, что практически невозможно разграничить керамику из хаджидерских погребений, по В.Г. Петренко, и из поселения в Орловке (прим. ред.).

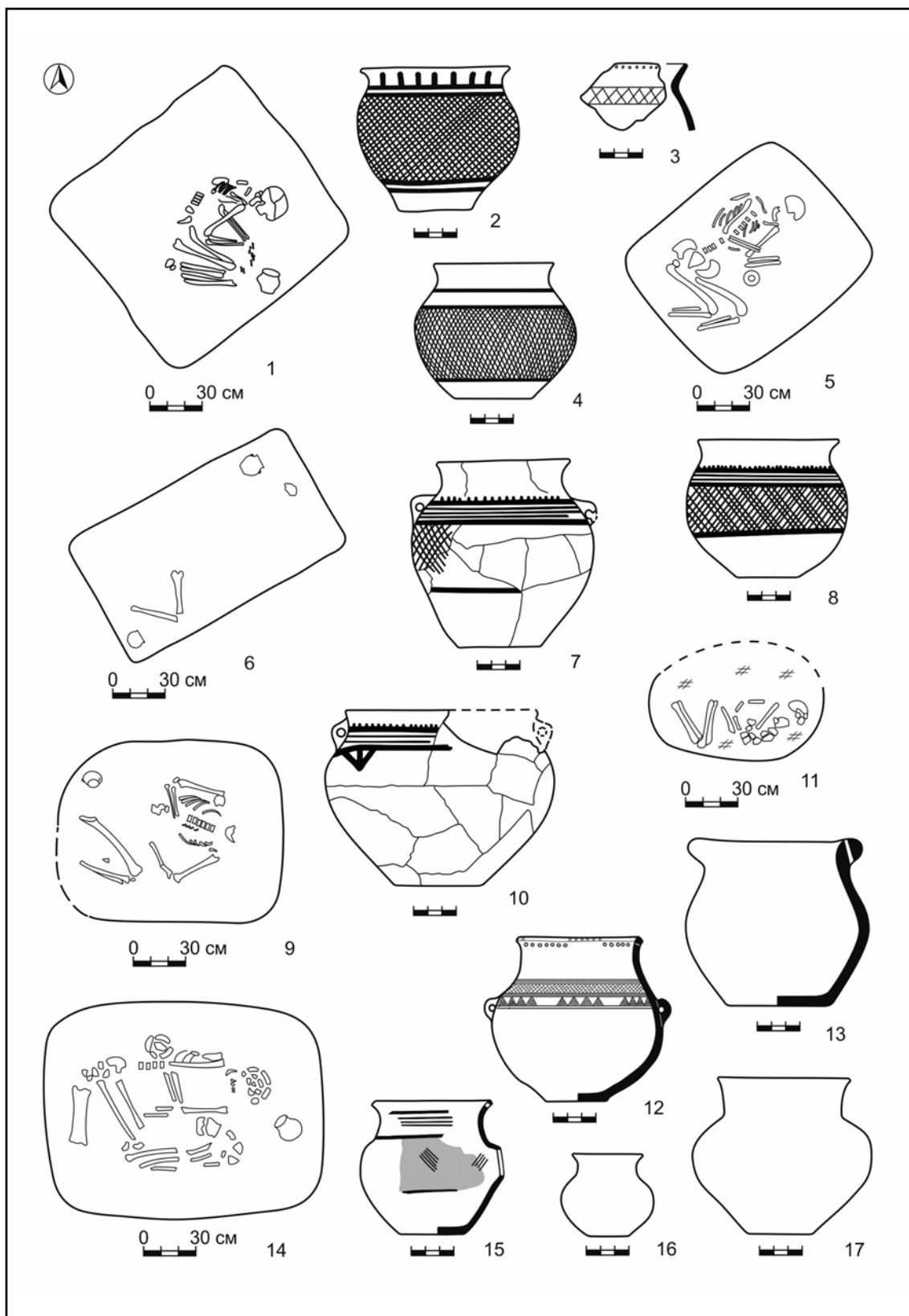

Рис. 9. Памятники архаичной ступени усатовской культуры: 1, 2 — Маяки-Мирное 8/1; 3—5 — Дивизия 1/1; 6—8 — Широкое (Алкалия) 3/4; 9, 10 — Широкое (Алкалия) 3/1; 11—13 — Желтый Яр 1/21; 14—17 — Березино 1/6.

Fig. 9. Archaeological sites of the archaic stage of the Usatovo culture: 1, 2 — Mayaki-Mirnoe 8/1; 3—5 — Divizia 1/1; 6—8 — Shirokoe (Alkalia) 3/4; 9, 10 — Shirokoe (Alkalia) 3/1; 11—13 — Zhelty Yar 1/21; 14—17 — Berezino 1/6.

к сожалению, разрушенных курганов могильника Дивизия II на правом берегу Хаджидера (Субботин и др. 1985).

Еще один пункт определяется опять-таки единичными и тоже интересными материалами, полученными Дунай-Днестровской новоостроевской экспедицией 1984 г. в раскопе I на поселении культуры Гумельница Новосельское I (Субботин 1984). Так, в очажной яме 1, кроме типично гумельницких находок, в верхней части заполнения представлены раковины *Theodoxus euxinus* (35 экземпляров) с проколотыми отверстиями для нанизывания в ожерелье и фрагмент сосуда с коричневой росписью. Именно такие раковины являются характерным типом позднеэнеолитических украшений в памятниках Северо-Западного Причерноморья. Что же касается керамической находки, то это обломок корпуса 8—11 мм толщины какой-то крупной емкости (зерновика?). Керамическое тесто после обжига бледно-розовое, тяжелое, с примесями песка и пироксена (?). Как представляется, это керамика Кукутень В, однако, не буго-днестровских, а скорее каких-то западных, быть может, прикарпатских поселений. Роспись на найденном черепке определяется как вероятный фрагмент «хвоста кометы», встречающейся на керамике периода Кукутень В (Dumitrescu 1979: fig. 156). Кроме этих находок, обращает на себя внимание фрагмент сосуда с квадрата БIII раскопа I, внесенный в отчет как относящийся к раннему этапу ямной культуры. Это толстый двухслойный черепок, темно-серый, с тонким бежевым наружным слоем и выщерблинами от выгребших и выпавших примесей дробленой раковины. Видны бороздки от гребенчатого инструмента, вертикальные на горловине и проведенные в разных направлениях на корпусе, который орнаментирован под шейкой горизонтальными отпечатками шнура. Далее, верхний горизонт соседнего квадрата АIII дал 8 фрагментов горловины крупного пифосовидного сосуда. Поверхность его выдержана в темных тонах, коричневых и серых, черепок в изломе темно-серый, с примесью мелкотертой ракушки (?) и песка. Внутри и снаружи сосуд обработан мелкозубчатой гребенкой. Керамика Черनावоды I с отпечатками такой гребенки представлена в Орловке, в комплексах Алкалия 5/15 и 9/1 (рис. 11: 6, 10).

«Стоянки» неустановленной культурной принадлежности

Следы кратковременных объектов трипольского времени в степном регионе хо-

рошо известны в Побужье (Шапошникова, Неприна 1977), но еще раньше такого рода памятник был выявлен на Тилигуле у с. Андреево-Ивановка (Патокова 1960: 186). Затем в Южном Приднестровье среди находок из верхних горизонтов стоянки Гиржево на Кучургане был выделен керамический материал конца среднего — начала позднего периода трипольской культуры¹¹ (Станко 1966; 1967).

Самые выразительные образцы из Гиржево принадлежат керамике категории Кукутень С. Наиболее полно представлен один относительно тонкостенный горшок (17 фрагментов) (рис. 10: 6). На внутренней поверхности и в изломе черепок темно-серый, снаружи преобладает бежевый цвет. Высокая, слегка расширяющаяся кверху горловина с отогнутым краем покрыта защипками с отпечатком ногтя. Аналогичными элементами орнаментирован переход от горловины к корпусу. Но здесь оттиски шли участками, с наклоном то влево, то вправо. Черепок покрыт бороздами от гребенки с мелкими зубцами. Внутри сосуда отпечатки идут горизонтально. Снаружи горловина расчерчена в основном по вертикали и только под защипками выделены зоны горизонтального прочерчивания. На корпусе отпечатки того же гребня проведены под различными углами. Поверх отпечатков имеются прочерченные по сырой глине двойные дугообразные канавки с полукруглым ложом шириной 4 мм, образующие фестоны. Этот характерный трипольский «кухонный» сосуд в целом хорошо вписывается в предложенную датировку, хотя сравнительный материал с детально обработанными сериями находок в Поднестровье (Маркевич 1981: рис. 16: 21; 17: 16), Побужье (Гусев 1995: рис. 38) и Буго-Днепровском междуречье (Круц, Рижов 1985: рис. 2) указывает на раннюю часть периода CI культуры Триполья, период Кукутень В, как на наиболее вероятную датировку этой находки (показателен такой элемент орнаментации, как фестоны, прочерченные поверх следов гребенки).

Другой сосуд, от которого имеется 9 черепков, представляет собой слабопрофилированный горшок или глубокую миску той же категории «С» и той же фактуры, но с толщиной стенки 8 мм (рис. 10: 1). Поверхность сосуда

¹¹ Искренне признателен В.Н. Станко за право использовать энеолитический материал стоянки Гиржево. Возможно, в ее коллекциях когда-нибудь удастся выделить кремневый инвентарь, связанный с керамикой энеолита.

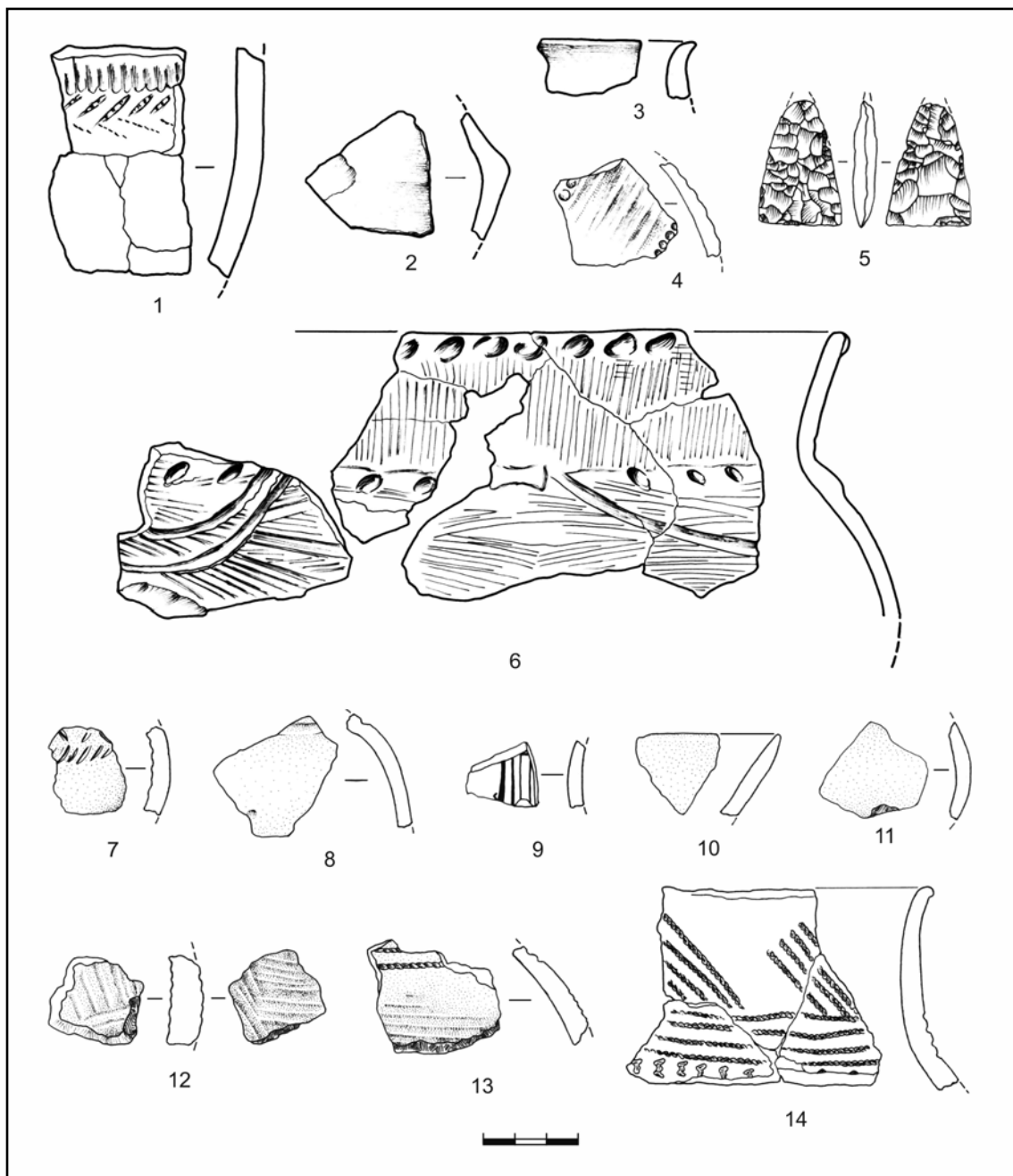

Рис. 10. Памятники с неустановленной культурной принадлежностью: 1—6 — Гиржево; 7—14 — Кардамычево.

Fig. 10. Archaeological sites with undetermined attribution: 1—6 — Girzhevo; 7—14 — Kardamychevo.

выдержана в бежевых тонах. Следы гребенки как на внутренней, так и на наружной поверхности корпуса тщательно сглажены, и только горловина покрыта хорошо заметными и притом строго вертикальными бороздками. Вдоль ее основания на корпус нанесен елочный орнамент из оттисков штампа с мелкими зубцами, поставленного перпендикулярно к поверхности сосуда. Этот сосуд, скорее всего, более ранний, чем Кукутень В, учитывая ана-

логии в Корлэтеь периода А–В1 кукутенской культуры (Nestor, Zaharia 1968: fig. 1: 7—9).

Далее, в коллекции есть один фрагмент края и 16 обломков стенок из теста с толчеными раковинами, в том числе 12 более или менее крупных. На половине из них есть следы борозд о гребенки (рис. 10: 4). Среди «ракушечной» керамики интересен фрагмент плечика сосуда: бежевый, с темно-серым средним слоем, с пластической «жемчужиной» и орна-

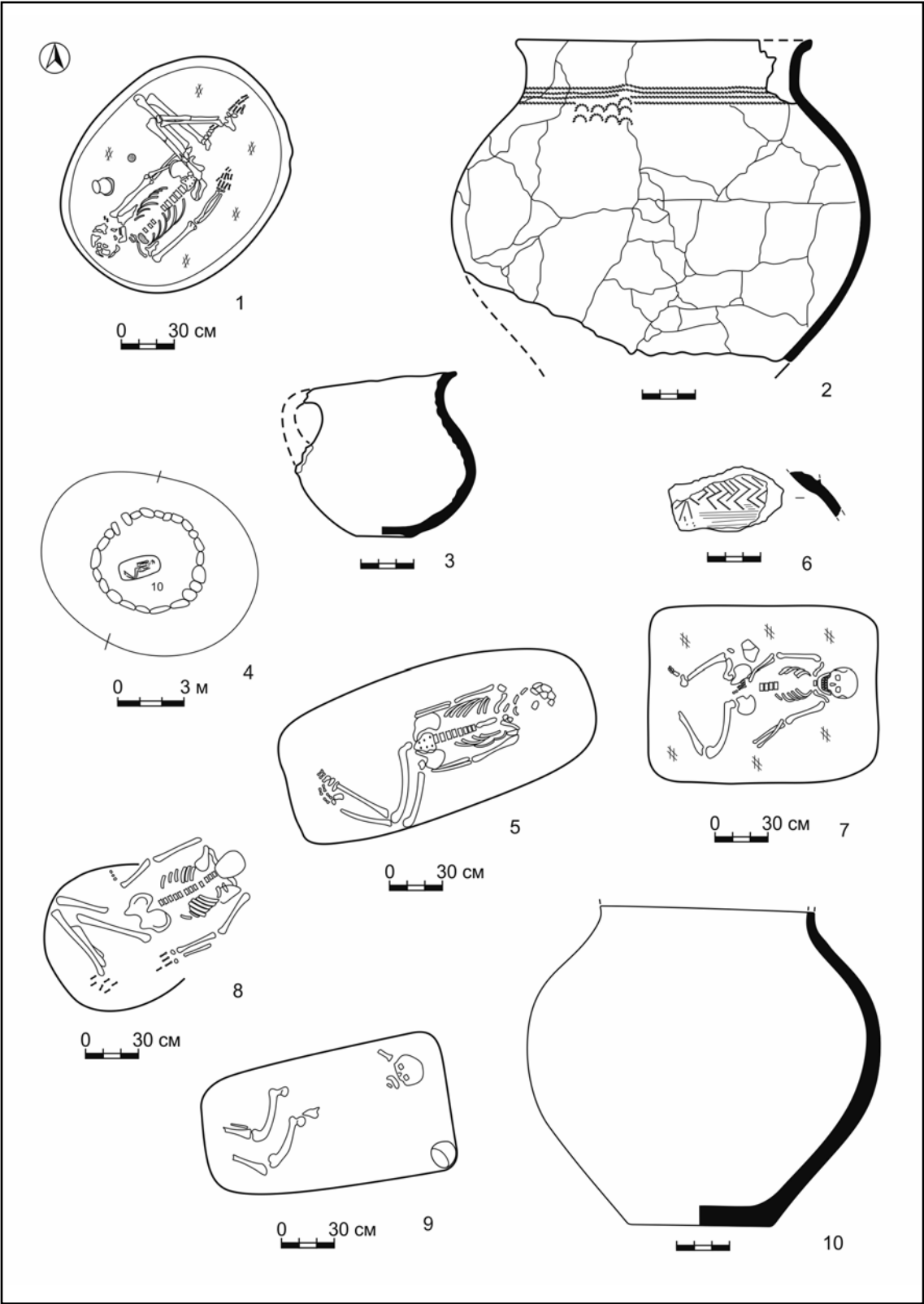

Рис. 11. Памятники типа Катаржино: 1—3 — Знаменка (Катаржино) 1/10; Маяки-Мирное 1/10; 6, 7 — Широкое (Алкалия) 5/15; 8 — Кошары 2/6; 9, 10 — Широкое (Алкалия) 9/1.

Fig. 11. Archaeological sites of the Katarzhino type: 1—3 — Znamenka (Katarzhino) 1/10; Mayaki-Mirmoe 1/10; 6, 7 — Shirokoe (Alkalia) 5/15; 8 — Koshary 2/6; 9, 10 — Shirokoe (Alkalia) 9/1.

ментальной лентой в три ряда оттисков, оставленных округлым, слегка заостренным стержнем. Фрагмент слишком мал, чтобы вынести окончательное суждение о типе сосуда, возможно, времени позднего Триполья (второй половины периода СІ или СІІ).

Что касается керамики из отмученного теста, то имеется 10, к сожалению, не слишком выразительных черепков не менее трех сосудов, в том числе фрагмент кубка (?) с биконическим корпусом (рис. 10: 2). Все они светло-оранжевые, с белой минеральной примесью. След росписи обнаружен только на одном невыразительном обломке стенки (черная краска). Черепки имеют толщину 5—6 мм, а один экземпляр даже 9 мм. Этот толстостенный черепок содержит в примесях белые и красные крупинки, выступающие на поверхность.

В целом, основываясь на этом материале, можно говорить о Гиржево как о памятнике с трипольской керамикой конца периода ВІІ — первой половины периода СІ (по Т. С. Пассек). Очевидно, мы в данном случае имеем дело с кратковременным объектом¹².

Аналогом Гиржево является соседнее местонахождение Кардамычево І на Кучургане (Петренко и др. 2003). Энеолитический раздел коллекции наполовину заполнен фрагментами «столовой» трипольско-кукутенской керамики из хорошо отмученной глины с добавлением песка или без видимых примесей, бежевой или оранжевой после обжига (21 экз.). В основном это непрезентабельные обломки сосудов с толщиной стенки 4,5—6,5 мм (одна стенка 10 мм толщины). Края большинства черепков сильно окатанные, следы росписи, если она была, не сохранились. Ясно только, что некоторые сосуды имели округлый, а не ребристый корпус¹³. Но

принципиально важны в этой группе материала, пожалуй, только две находки: фрагмент горловины чернорасписного кубка и край мисочки усеченно-конической формы (рис. 10: 9, 10). Они, в отличие от остальных трипольских черепков, вполне поддаются датировке: конец периода ВІІ или первая половина периода СІ культуры Триполье-Кукутень (по периодизации Т. С. Пассек).

К особой категории энеолитической керамики Кардамычево І относятся обломки лепной посуды «степного облика» или, как ее обозначают на трипольских памятниках, стиля Кукутень С. Объединяет этот материал наличие раздробленных ракушек в примесях к формовочной массе и расцветка черепков, выдержанная в серых, светло-серых и бежевых тонах. Однако сбор определенно дифференцируется на ряд разновидностей. У образцов одной из них отмечена только обильная примесь ракушки, иногда с добавлением кусочков охры (11 фрагментов, в том числе 3 от одного сосуда). Поверхности изделий выровнены зазубренным шпателем (гребенкой), оставившим характерные следы в виде пучков параллельных бороздок (рис. 10: 12, 13). Найденные фрагменты принадлежат плечу и горловине одного или двух сосудов, стенкам одинаковой толщины 7 мм и разным плоским доньшкам, тонкому (7 мм) и двум массивным. Обломок плечика примечателен покатостью, шнуровым узором и следами обработки гребенкой (рис. 10: 13). Выразительна верхняя часть этого же или другого сосуда, представленная тремя фрагментами. У него закругленный и слегка отогнутый наружу край, высокая цилиндрическая шейка густо орнаментирована линейными и Σ -образными шнуровыми или имитирующими шнур отпечатками (рис. 10: 14). Композиция орнамента настолько специфична, что вопрос об аналогиях решается однозначно. В Северо-Западном Причерноморье все они ограничены только одним энеолитическим памятником — эпонимным Усатово. Сходство полное, за исключением абсолютно несвойственных усатовской керамике борозд гребенки (они есть на внутренней поверхности кардамычевской находки). Эта фактурная деталь говорит об относительной древности образца и той группы керамики, которую он представляет в Кардамычево, по сравнению с базовым усатовским комплексом. В данном случае это, скорее всего, поздний, но все-таки доусатовский энеолит.

По-видимому, рассмотренные объекты, как и в случае с Орловкой, не обязательно представляют собой следы настоящих посе-

¹² Аналогичное по характеру местонахождение, но с неопределенно широкой датировкой (среднее/позднее Триполье), локализуется на месте мезолитического поселения Белолесье. Оно расположено на правом берегу р. Сарата напротив южной окраины с. Михайловка, на низком террасовидном уступе у самой воды (Станко 1985). Верхний горизонт этого памятника в западной части вскрытой площади дал 3 фрагмента сосудов из отмученной оранжевой глины. На этом же участке раскопа найдены комочки охры и более 10 мелких обломков обожженной обмазки из глины с примесью соломы и отходов от обмолота хлебных злаков (определение З. В. Янушевич, 1987). Однако рискованно связывать этот материал с трипольской керамикой, учитывая наличие и трех других черепков, предположительно эпохи поздней бронзы.

¹³ Материал Кардамычево І детально представлен в отчете (Петренко 2003).

лений. Быть может, речь должна идти о следах каких-то обрядов, что в случае Гиржево, например, вполне вероятно. Это крайне неудобное место для обитания. Интересно и важно, что местонахождения без следов сколько-нибудь продолжительной жизни, культурного слоя, следов жилищ сейчас уже известны не только в степи, но и на окраинах (Майнова Балка) и даже в глубине ареала Кукутень-Триполья (Бернашевка, см. Збенович 1980). Как бы ни рассматривались такого рода памятники, как выселки земледельцев культуры Кукутень-Триполье (Т.Г. Мовша) или стойбища степных скотоводов (В.А. Круц), связь их с этой культурой бесспорна. Показательно присутствие среди керамики не только «столовой» категории, но и посуды типа Кукутень С. Среди опубликованных курганных комплексов (Дергачев и др. 1989: 31, рис. 11: 8) этот же тип посуды представлен в Рошканах (рис. 3: 9). Далее, к типу Кукутень С, а не к усовской керамике следует отнести нечетко изданный фрагмент сосуда из насыпи энеолитического кургана №3 могильника Кошары III (Гудкова 1980: 94, рис. 4: 4). У этого обломка утолщенный снаружи, округлый в сечении край венца, покрытый косыми насечками, и проработанная гребенкой горловина. Наличие керамики Кукутень С в степи, заселенной чернаводским компонентом, представляется существенной деталью, характеризующей ситуацию в регионе, где впоследствии формируется усатовская культура.

Памятники катаржинского типа

Основное захоронение 10 кургана Катаржино (Иванова и др. 2005) позволило выделить отдельную обрядовую группу позднеэнеолитических захоронений (Петренко, Шилов 1992). Она представлена как вариант единой традиции (Петренко, Алексеева 1994: 54), называемой «постстоговской» (Рассамакин, Евдокимов 2001). В пределах Северо-Западного Причерноморья памятники катаржинского типа распространены преимущественно в Южном Приднестровье (рис. 1).

Опорными для выделения и характеристики данной позднеэнеолитической группы являются несколько погребальных комплексов. Так, в обоснование энеолитического возраста комплекса Катаржино 2/1 (как мы полагаем, тоже позднего), наверное, достаточно было бы ограничиться ссылками на стратиграфические разработки по «доямным» памятникам и ямной культуре (например, Яровой 1985; 2002) или характеристики «постсто-

говских» погребений (Рассамакин, Евдокимов 2001). Впрочем, такого рода погребения выделяют и в рамках раннего этапа ямной культуры (Ковалева и др. 2003: 16—18). Но не стоит отклонять возможность еще раз подчеркнуть сложности, которые связаны с изучением такого рода памятников, возникающие даже на материале хорошо стратифицированных курганов (Петренко и др. 2003).

В Катаржино 2 скорченное на спине погребение в прямоугольной яме с округленными углами, с характерной северо-восточной ориентацией скелета было единственным под первичной насыпью. Важной особенностью Катаржино 2/1 является перисталит, кромлех из вертикально выставленных плит. Западнее обнаружено всего только два аналогичных памятника: это первичные комплексы кургана «Бакумова гора» (рис. 11: 4, 5)¹⁴ и кургана 6 могильника Ясски (Алексеева 1992: 31—32, 48, рис. 7: 1; 8: 1)¹⁵. Однако аналогичные объекты хорошо известны между Бугом и Днестром почти на одной широте, например, у сел Антоновка (Шапошникова и др. 1986: 154), Зеленый Гай (Ковалева и др. 2003: 16—18), Марьевка (Піоро 1999: 42, мал. 1: 2). В этом же регионе известны случаи вторичного использования аналогичных, но более ранних кромлехов (условно нижнемихайловских) под такие погребения (Шарафутдинова 1980). Кроме того, там же такие кромлехи строились вокруг скорченных погребений на спине, но с западной/юго-западной ориентацией (Шапошникова и др. 1980: 35 и сл.). Аналогичный комплекс можно выделить и за Днестром, в Подунавье на материале Болградского могильника (Субботин, Шмаглий 1970).

Кромлехи имели диаметры от 3,5 м в Ясках до 6,0 м в Катаржино. Плиты были высотой 50—60 см. В Катаржино плиты стояли неплотно, с промежутками, едва возвышавшаяся над землей. Очевидно, они были поставлены в неглубокую кольцевую канавку, не прослеженную в погребенном черноземе при раскопках. Первичная насыпь «Бакумовой горы», сложенная вальками речного ила, была обставлена плитами на уровне древнего горизонта (рис. 11: 4). В перекрытиях могил отмечено применение деревянных лаг и камня, как бута, так и относительно круп-

¹⁴ Информацию о «Бакумовой горе» любезно предоставил А.С. Островерхов, под руководством которого велись исследования этого кургана.

¹⁵ И.Л. Алексеевой мы обязаны возможностью более подробного ознакомления с этим полностью пока не опубликованным памятником.

ных плит. Что касается инвентаря, то в погребении под «Бакумовой горой» найдены фрагменты чаши с округлым дном, содержавшей в примесях мелкий кварцит и мел¹⁶, и деревянный брус с отверстиями, овальный в сечении. В Катаржино 2/1 находились каменные орудия: брусек, служивший одновременно в качестве песта и терочного камня, и плитка в форме полусегмента с острыми, частично изношенными краями. Охра представлена в «Бакумовой горе» на черепках, в Ясках — пятнами на скелете и штуфами, а в Катаржино ее не было.

Следует заметить, что наименее сложной является хронологическая атрибуция тех скорченных на спине погребений восточной ориентации, которые характеризуются овальными или близкими к овалу планами погребальных ям. Неслучайно именно эта разновидность составила основной массив «постстоговских» погребений (Рассамакин, Евдокимов 2001). Трудности появляются, как только этот, казалось бы, частный признак меняется (прямоугольная яма). Тотальная принадлежность этого варианта к «доямному» и даже «доусатовскому» горизонтам, на чем систематически настаивает Е. В. Яровой, не может быть поддержана. Такие погребения бывают впускными в энеолитические насыпи (например, курган Новая Долина 3) и курганы с основными могилами животиловского типа (Суворово I-2). Вместе с тем они есть в могильниках Усатово. Это всего два, но исключительно ярких комплекса. Кстати, оба лишены инвентаря, не считая кремневых отщепов. Один из них, основной для кургана I-9, перекрыт впускной ямой с бронзовым инвентарем усатовской культуры (Патокова 1979: 58—61). Еще более выразителен другой памятник, курган I-8: «постстоговец» погребен под индивидуальной насыпью (но почему-то с краю); на участок, с которого для его насыпи выбирался грунт, опущена группа усатовских захоронений (Патокова 1979: 55—58). Интересно, что не зафиксированы случаи «обратной» стратиграфии с усатовскими комплексами.

Насколько широк реальный хронологический диапазон таких погребений (скорченных на спине, ориентировка восток/северо-восток), ясно показывают случаи их залегания выше типичных захоронений ямной культуры, например, в Катаржино 1. Не менее принципиальным моментом является устойчивая

связь таких (по обряду) погребений с «репинской» керамикой в основном ее ареале (Николова 2002). Стоит выделить комплекс под курганом в пригороде Одессы, примечательный сосудом (Алексеева 1992: рис. 26: 11) с «репинскими» чертами в построении формы и орнаменте («елочка» из оттисков гребенки на корпусе).

Все говорит о том, что пока нет надежных критериев датировки интересующих нас комплексов. Их суммарная «архаическая» интерпретация внушена сходством в обряде (надо заметить, более чем поверхностным) с памятниками новоданиловского типа. Среди них есть как настоящие энеолитические погребения, так и объекты времени «классической» ямной культуры.

Ситуацию могли бы прояснить серийные радиоуглеродные датировки, но их нет. Есть дата погребения 2 кургана 14 Семеновского могильника: Ki-2126, 4600 ± 90 BP (Петренко и др. 2003: 56). Казалось бы, весомость ей придает то обстоятельство, что она принадлежит памятнику из района, где неизвестны усатовские захоронения старшей ступени (которые показывают близкие даты по¹⁴С). Но обнаружилось ее несоответствие более ранним датам кургана Семеновка 14 (Иванова и др. 2005). В этой связи контрольное значение приобретает дата основного, по типу определено «постстоговского» захоронения 6 в кургане 3 могильника Кошары III (иначе Сычавского) (табл. 3).

Комплекс Кошары III-3/6 характеризуется следующими данными, по публикации автора раскопок (Гудкова 1980) и результатам обработки наличной коллекции¹⁷. Яма не везде четко прослеживалась, но, по крайней мере, со стороны ног она была овальной. Погребенный — мужчина старческого возраста. Положение — на спине, ноги подогнуты в коленях, завалились (?) влево. Руки были слегка разведены в стороны и лежали вдоль туловища. Основная ось скелета ориентирована с юго-запада на северо-восток. Возле запястий, а также на тазовых костях и черепе найдено 13 (в наличии 3) раковин *Theodoxus* sp. с проколами отверстиями для нанизывания на нить. Возможно, к этому погребению имеют отношение некоторые находки из насыпи.

¹⁶ Находка известна только по описанию в отчете (Черняков и др. 1982: 36—37). Погребение определено в отчете как усатовское.

¹⁷ Памятник раскапывался в 1969 г. Находки и антропологический материал хранятся в Одесском археологическом музее НАНУ. Половозрастные определения в 70-е годы выполнил К. В. Зиньковский, образец для изотопного исследования был сформирован в 2004 г. Раковины определены в Институте биологии южных морей НАНУ (А. И. Синегуб).

Результаты радиоуглеродной датировки погребения из могильника Кошары III

Таблица 3.

Объект	Образец	Лаб. индекс	BP	BC (1σ)	BC (2σ)
Могильник Кошары III, курган 3, погребение 6.	Кость	Ki-11211	4720 ± 80	3631—3579 3567—3561 3537—3499 3457—3443 3435—3377	3639—3369

Во-первых, это длинная кремневая пластина с одним заостренным концом и ретушью (правда, аналогичные изделия есть в новоданиловском могильнике Кошары I). Во-вторых, обломок венчика сосуда из глины с толченой ракушкой, с бороздами от гребенки и насечками по краю. Этот фрагмент, конечно, не усаатовский, как указано в публикации, а более ранний. Черепок достаточно выразителен. Он принадлежит типичному кухонному сосуду трипольской культуры, конца периода ВП или, что наиболее вероятно, периода СI, но не позднее. А.В. Гудкова считает, и небезосновательно, что данное погребение 6 было в кургане первичным, но не единственным основным захоронением. За этим погребением, но до появления насыпи, последовало захоронение 7: скорченное на левом боку, головой к юго-востоку, в овальной яме, но почему-то не посередине, а под стенкой (быть может, эта яма имела подбой?). Оба погребения находились под насыпью внутри овального кромлеха из плитняка, но по-настоящему центрировало эту кладку только погребение 7, тогда как погребение 6 располагалось в стороне.

Не исключено, что дата погребения 6 несколько омоложена; если бы керамика была найдена в нем, а не в насыпи, это можно было бы утверждать с полной определенностью, опираясь на трипольскую шкалу радиоуглеродных дат. Тем не менее, для энеолитических могильников Кошарского микрорайона корректность даты 4720±80 не вызывает ни малейших сомнений. Она занимает промежуточное положение с разрывом в 300—400 лет между радиоуглеродными датами могильника Кошары I новоданиловской культуры (Петренко, Ковалюх 2003) и комплекса усаатовской культуры в могильнике Кошары II (раскопки 2003 г.). Впрочем, и даты этих памятников (Кошары I—II) оказались омоложенными. Все три могильника лежат в непосредственной близости один от другого (300—800 м). Так что можно предположить «омоложение» в силу одних и тех же факторов. Возможно, на датах

сказывается повсеместное присутствие в Кошарах мощных отложений жилых и культовых объектов V—III вв. до н. э. Так или иначе, 4720±80 — это первая радиоуглеродная дата, полученная для комплекса «постстоговского» типа, и как таковая она должна считаться предварительной, сугубо ориентировочной. Во всяком случае, если бы сопоставимую с этой датой показали «постстоговцы» Усатово, это следовало бы признать более чем удовлетворительным результатом¹⁸.

С погребением Катаржино 1/10 (рис. 11: 1) связана четырехслойная двухметровая насыпь, окруженная ровиком диаметром до 24 м, под ней — еще один ров. Захоронение было совершено в овальной яме посреди огромного кострища на уровне древней дневной поверхности. Погребение скорченное, на спине, черепом к юго-западу. Отмечена охра: тонкое отложение на костях и массивные круглые «коржи». У левой руки — лепной сосудик из отмученной глины, с грубо обработанной поверхностью и без всяких признаков росписи, стоявший на прослойке угля (рис. 11: 3). Другие находки представлены долотовидными орудиями из кремневых отщепов. Погребальная яма была накрыта сверху тростниковой циновкой и заложена плитняком. Среди плит примечателен выразительный фрагмент антропоморфной стелы. Подле нее на циновке наблюдалось скопление органического вещества (мёд?). Здесь же лежал крупный обломок легкого горшка грубой выделки из массы с обильной примесью толченой ракушки, шнуровым орнаментом и затертыми следами обработки стенок «гребенкой» (рис. 11: 2). Первичный бугор надмогильной насыпи над погребением достигал диаметра 4 м, высоты 0,6 м, включая панцирный слой известнякового буга. Ряд данных, прежде всего, целостность отложений кострища, позволяют предположить непрерывность и, в це-

¹⁸ Есть небольшие образцы древесины из такого комплекса (Усатово I-9), пока не датированные.

Результаты радиоуглеродной датировки погребения из могильника Катаржино

Таблица 4.

Объект	Образец	Лаб. Индекс	ВР	BC (1σ)	BC (2σ)
Катаржино, курган 1, погребение 10.	Уголь, Гл. 6,2 м	Ki-9523	4950 ± 70	3793—3655	3941—3837 3823—3639
	Кость, Гл. 6,8 м	Ki-11205	4510 ± 60	3345—3305 3301—3263 3239—3169 3163—3101	3485—3475 3371—3019 2975—2971 2945—2941
	Кость, Гл. 6,8 м	Ki-11376	4970 ± 110	3935—3875 3870—3860 3805—3650	3980—3620 3600—3520

лом, кратковременный характер обрядовой акции: мощный костер, захоронение, перекрытие ямы каменной выкладкой с керамическим сосудом, отсыпка нижних пластов кургана. Проба угля из кострища, проанализированная в 2002 г., и фрагменты костей непосредственно из захоронения (пробы 2004 г.) дали следующие изотопные даты (табл. 4).

Как видим, первая дата расходится со второй более чем на 400 радиоуглеродных лет. Основной и вполне объективной причиной столь радикального «омоложения» может быть продолжительное соседство в музейном хранилище антропологического материала (образец Ki-11205) с радиоактивными, как выяснилось¹⁹, костями из погребения Катаржино 1/3 катакомбной культуры, которые показали такое же «отставание» от серийных катакомбных дат. В первый раз основной комплекс кургана Катаржино 1 получил, как представляется, вполне корректную дату 4950±70 ВР. Ее объективность подтверждает контрольное датирование, осуществленное по кости: 4970 ± 110 ВР. По трипольской шкале обе старшие даты приходятся на время Триполья СІ. Едва ли древнее этого периода найденный в погребении асимметричный сосуд с отбитой ручкой (похожий на «аск») из светло-желтой отмученной глины (рис. 11: 3). Отсутствие росписи не позволяет однозначно конкретизировать локально-хронологическую атрибуцию находки. Вообще говоря, такого рода трипольские сосуды в форме «аска» или кувшина с ручкой (кружки) отмечены в единичных экземплярах в усатовской культуре (Ефимовка) и в комплексах животиловского типа (Казаклия, раскопки С.М. Агульникова). Однако такая особенность строения находки из Катаржино, как одутловатое и как бы опущенное

книзу тулово, однозначно говорит о принципиально более раннем времени, чем Триполье СІІ (владимирская, томашевско-сушковская или, возможно, кошиловецкая группы).

Для второй керамической находки из этого же захоронения Катаржино 1/10 (рис. 11: 2), кроме самого общего сходства с керамикой Усатово — Большого Куяльника (за исключением следов «гребенки»), стоит отметить другие и, кажется, более важные параллели. Прежде всего, это материал трипольского поселения Ольховец косеновской группы (Видейко 1997: рис. 3), хотя по радиоуглеродным датам (Videiko 1999: Tab. 6) оно значительно моложе Катаржино (даже учитывая его «младшую» дату 4510±60 ВР). Соответственно, напрашивается та же параллель, которая проведена М.Ю. Видейко для кухонной керамики Ольховца, — Молухов Бугор (Нераденко 1995). Наконец, в этот же круг аналогий, на наш взгляд, входит сосуд из основного захоронения 5 кургана 1 у Баратовки на Ингульце (Rassamakin 1996: fig. 8). Этот комплекс по стратиграфии предшествует горизонту энеолитических погребений с пластикой серезлиевского типа. В то же время, в Еромолавке (Рыбалова 1964) захоронение с таким же положением скелета, как в Катаржино, сопровождалось «серезлиевской» статуэткой, топором-молотом и расписной амфорой, характерной в степи для позднеусатовских памятников и комплексов животиловского типа. Таким образом, вариант курганный обрядовой традиции, во всей полноте представленный Катаржино, определенно существовал в рамках периодов СІ и СІІ Триполья, примерно, со второй трети IV тысячелетия до н.э. по калиброванной хронологии и согласно полученным датам, хотя зародился, возможно, даже несколько ранее.

Подведем итог. Атрибуция погребальных комплексов в силу их характера сосредоточи-

¹⁹ Данные Киевской Радиоуглеродной лаборатории.

лась, главным образом, на двух еще малоизученных, но, полагаем, достаточно типичных проявлениях позднего энеолита в междуречье Днестр — Южный Буг, а именно на так называемых «постстоговских» и «нижнемихайловских» погребениях. Выделяются такого рода памятники исключительно по стратиграфическим данным и признакам обряда. Кроме обряда захоронений и элементов погребальной архитектуры, мало что известно о других категориях культуры, присущих этим таксономическим единицам, особенно «постстоговской» группе. Соотнесение этих памятников с трипольской шкалой оказывается наиболее надежным способом установления их относительной хронологии и проверки данных изотопного датирования.

«Постстоговская» группа объединяет энеолитические курганные захоронения в скорченном положении на спине. На территории Северо-Западного Причерноморья, включая долину Южного Буга, мы их знаем в двух основных вариантах, различающихся по направленности скелетов (восток/северо-восток, запад/юго-запад). Днепропровское Правобережье выделяется как основной район их распространения, прежде всего, варианта с восточным вектором ориентации. Оценка стратиграфических данных, приведенных в цитированных выше работах, показывает, что именно «постстоговская» группа одна из первых (если не первая) ввела в том регионе практику строительства курганов. Приблизительно одновременно, и едва ли ранее периода VII культуры Триполье-Кукутень, курганы появляются на юго-западе Украины и в Бесарабии, но в связи не с «постстоговской», а хаджидерской культурной группой (Петренко 1989; 1993; 1995; Яровой 2000). Степное междуречье Днестр — Буг вырисовывается как контактная зона этих групп. Неслучайно в «постстоговских» комплексах региона (Новая Долина, Кошары) представлены раковины *Theodoxus* с отверстиями для подвешивания, типичные для хаджидерской группы, и характерная для нее керамика (ср.: Ковпаненко, Фоменко 1986: 12, рис. 1: 8; Рассасакин, Евдокимов 2001: 15, рис. 15: 1).

Носители «постстоговской» традиции, несомненно, причастны к становлению усатовской культуры, поскольку в эпонимном Усатово есть не только их «чистые» комплексы, о чем говорилось выше, но и «адаптированные» объекты с типичной усатовской керамикой. Учитывая характер погребального обряда «постстоговской» группы и ее несомненное «доживание» до финала Триполья, что ясно показали последние работы на Дне-

провском Правобережье (Ковалева и др. 2003), вполне вероятен вклад этой группы в генезис ямной культуры, предполагаемый многими исследователями. Однако все меньше оснований остается для выделения собственно «стоговских» могильников как таковых (Котова 2003). Отсюда целесообразность замены термина «постстоговский». Подходящим эпонимом нам представляется Катаржино (комплекс 1/10).

«Нижнемихайловская» группа/культура представлена скорченными погребениями на боку или на боку с наклоном корпуса на спину, как правило, с несимметричным положением рук. Такого рода курганные захоронения в степном Днепро-Бугском регионе в массе приходится на верхние стратиграфические горизонты энеолита и по времени, видимо, соответствуют финальным ступеням Триполья (конец периода СII). Кроме того, в этот же период на территории Днепропровского Правобережья и они, и «постстоговские» (катаржинского типа) погребения образуют «смешанные» комплексы с постмариупольской культурой (из последних находок см.: Ковалева и др. 2003). Отсюда вполне резонные попытки выделять в этом регионе синкретичную группу позднего энеолита (днепро-бугская группа, по Николова, Рассасакин 1985). В этой связи обращает на себя внимание наличие в междуречье Днестр — Буг относительно ранних памятников с параметрами нижнемихайловской, если не днепро-бугской группы, прежде всего, «Высокой могилы» (курган 1 в Яссах). С днепро-бугской группой по характеристикам вполне соотносится большинство впускных энеолитических погребений кургана Красное 9 и ряд опубликованных погребальных комплексов (Иванова и др. 2005). Одно из них (Красное 9/17, 4434±23 BP) датируется в изотопном измерении так же, как и погребение Красное 9/10 животиловского типа — 446±34 BP (Петренко, Ковалюх 2003).

Специфика развития Северо-Западного Причерноморья в поздний энеолитический период определяется наличием на его пространных нескольких культурных групп, сильным проявлением культурного единства с общностями, сосредоточенными за пределами степной зоны (Кукутень/Триполье, Чернавода). Фактором прогрессивного развития данного региона стало соседство с восточно-карпатским прототипом очагов Циркумпонтийской металлургической провинции (так называемой прото-ЦМП) и появление здесь первой на украинской территории мышьяковой бронзы.

Литература

- Алексеева И.Л. 1976. О древнейших энеолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья. *МАСП* 8, 176—186.
- Алексеева И.Л. 1987. Доусатовские погребения в курганах Северо-Западного Причерноморья. В: Самойлова Т.П. (отв. ред.). *Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 17—26.
- Алексеева И.Л. 1992. *Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка.
- Бейлекчи В.С. 1990. Раскопки кургана у с. Копчак. *АИМ в 1985 г.*, 34—49.
- Бикбаев В.М. 1992. Исследования поселения культуры Кукутень-Триполье Главан I. В: Гросу В.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы*. Кишинев: Штиинца, 101—117.
- Бондарь Р.Д. 1971. Археологические исследования у с. Орловка. *Археологические исследования на Украине в 1968 г.*, 66—70.
- Бондарь Р.Д. 1984. Городище у с. Орловка. В: Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т., Долгоруков В.С. (отв. ред.). *Античные государства Северного Причерноморья*. Археология СССР 10. Москва: Наука, 31—32.
- Бояджиев Я.Д. 1993. Хронология на праисторическите култури на територията на Добруджа. *Добруджа* 9 (1992), 10—19.
- Відейко М.Ю. 1997. Розкопки поселення трипільської культури біля с. Вільховець. *АДУ 1993 року*, 30—33.
- Бруяко и др. 2003: Бруяко И.В., Манзура И.В., Субботин Л.В. 2003. Поселение Орловка II на Нижнем Дунае. *АВУ 2001—2002 pp.*, 56—61.
- Геоморфологическая карта... 1981: Чередниченко В.Г. (сост.). 1981. *Геоморфологическая карта Украинской ССР и Молдавской ССР [Карты]*: 1979. Сост. по материалам об-ний «Севукргеология»; 1:1 000 000, 10 км в 1 см. Киев.
- Геологические памятники... 1985: Зарицкий А.И. (отв. ред.). 1985. *Геологические памятники Украины. Справочник-путеводитель*. Киев: Наукова думка.
- Головко и др. 1965: Головко И.Д., Загинайло А.Г., Бондарь Р.Д. 1965. Археологические исследования у с. Орловка Болградского района Одесской обл. *КС ОГМ*, 68—80.
- Гудкова А.В. 1980. Энеолитический курган с кромехом в устье Тилигула. В: Станко В.Н., Ванчугов В.П., Патокова Э.Ф. (ред.). *Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя*. Киев: Наукова думка, 87—95.
- Гусев С.О. 1995. *Трипільська культура Середнього Побужжя рубежу IV—III тис. до н.е.* Вінниця: Антекс-УЛТД.
- Даниленко В.Н. 1974. *Энеолит Украины*. Киев: Наукова думка.
- Дворянинов и др. 1985: Дворянинов С.А., Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. 1985. Раскопки курганной группы у с. Вишнее. В: Станко В.Н. (отв. ред.). *Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 132—173.
- Демченко Т.И. 1990. Исследование энеолитических курганов в Котовском районе МССР. В: *Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца*. ТДК. Луганск, 63.
- Дергачев В.А. 1986. *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы*. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев и др. 1989: Дергачев В.А., Борзиков И.А., Манзура И.В. 1989. *Рошканские курганы*. Кишинев: Штиинца.
- Збенович В.Г. 1974. *Позднетрипольские племена Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Збенович В.Г. 1980. *Поселение Бернашовка на Днестре*. Киев: Наукова думка.
- Зиневич Г.П. 1970. Краниологические материалы эпох энеолита — ранней бронзы Северо-Западного Причерноморья. *МАСП* 6, 156—166.
- Иванова и др. 2005: Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. 2005. *Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра*. Одесса: изд-во КП ОГТ.
- Ковалева и др. 2003: Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Тесленко Д.Л., Шалобудов В.Н., Векленко В.А. 2003. *Курганы энеолита-бронзы в Криворожском течении Ингульца*. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского университета.
- Ковпаненко Г.Т., Фоменко В.М. 1986. Похоронения доби энеолиту — ранней бронзы на правобережьи Південного Бугу. *Археологія* 55, 10—25.
- Котова Н.С. 2003. Энеолитические материалы поселения и могильника у хутора Александрия на реке Оскол. *Материалы и исследования по археологии Восточной Украины* 1, 78—97.
- Круц В.О., Рижов С.М. 1985. Фази розвитку пам'яток томашівсько-сушківської групи. *Археологія* 51, 45—56.
- Манзура И.В., Сорокин В.Я. 1990. Гумельницкое поселение у пгт Тараклия. В: Дергачев В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования молодых ученых Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 78—93.
- Маркевич В.И. 1981. *Позднетрипольские племена Северной Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Мелюкова А.И. 1962. Курган усатовского типа у с. Тудорово. *КСИА* 88, 74—83.
- Мовша Т.Г. 1985. Поздний этап трипольской культуры. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т.1. Киев: Наукова думка, 223—263.
- Назаров С.В., Ковалюх М.М. 1999. Київська радіовуглецева калібраційна програма. *Археометрія та охорона історико-культурної спадщини* 3, 70—81.
- Нераденко Т.М. 1995. Кераміка Моллохова Бугра. *Археологічні дослідження на Черкащині*. Черкаси: Сіяч, 33—42.
- Николова А.В., Рассамкин Ю.Я. 1985. О позднеэнеолитических памятниках правобережья Днепра. *СА* (3), 37—56.
- Николова А.В. 2002. О месте «репинских» памятников в ямной культурно-исторической общности: некоторые вопросы историографии. В: Ковалева И.Ф. (відп. ред.). *Проблеми археології Подніпров'я*. Дніпропетровськ: ДНУ, 37—59.
- Ольговский С.Я. 1988. О цветной металлообработке у племен ямной культуры. В: Шапошникова О.Г. (отв. ред.). *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины*. Киев: Наукова думка, 135—140.
- Островерхов А.С., 20021—2002. Древнейшее археологическое стекло Восточной Европы. *Stratum plus* (2), 386—430.
- Патокова Е.Ф. 1960. Археологічні пам'ятки долини р.

№2. 2024

- Тілігул. МАПЗ 3, 184—190.
- Патокова Э. Ф. 1979. Усатовское поселение и могильники. Киев: Наукова думка.
- Патокова и др. 1989: Патокова Э. Ф., Петренко В. Г., Бурдо Н. Б., Полищук Л. Ю. 1989. *Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка.
- Пашкевич Г. А. 2000. Земледелие в степи и лесостепи Восточной Европы в неолите — бронзовом веке (палеоэтноботанические свидетельства). *Stratum plus* (2), 404—418.
- Петренко В. Г. 1989. Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье. В: *История и археология Нижнего Подунавья*. ТДК. Рени, 18—20.
- Петренко В. Г. 1993. Относительно места в степном энеолите ряда памятников Днестровско-Дунайского региона. В: Охотников С. Б. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье*. КС ОАО. Одесса: Одесское Археологическое Общество, 16—19.
- Петренко В. 2003. Епонімне Усатове та проблема генези усатівської культури. В: Черняков І. (отв. ред.). *Трипільська цивілізація у спадщині України*. Матеріали наук.-практ. конфер. Київ: Просвіта, 137—144.
- Петренко В. Г., Шилов Ю. А. 1992. Новый усатовский памятник в междуречье Днестра и Южного Буга. *Археологический вестник* 3, 9—11.
- Петренко В. Г., Алексеева И. Л. 1994. Могильник усатовской культуры у с. Яски в Нижнем Поднестровье. В: Охотников С. Б. (отв. ред.). *Древнее Причерноморье*. КС ОАО. Одесса: Одесское Археологическое Общество, 48—55.
- Петренко и др. 2003: Петренко В. Г., Островерхов А. С., Сапожников И. В. 2003. Новый курган эпохи энеолита-бронзы в Нижнем Поднестровье. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму* X, 39—64.
- Петренко В. Г., Ковалюх Н. Н. 2003. Новые данные по радиоуглеродной хронологии энеолита Северо-Западного Причерноморья. В: Корвін-Піотровський О. Г., Круц В. О., Рижов С. М. (ред.). *Трипільські поселення-гіганти*. Матеріали міжнародної конференції. Київ: Корвін Пресс, 102—110.
- Петренко и др. 2003: Петренко В. Г., Носова Л. В., Кожухарь В. К., Денисюк В. П. 2003. Археологические исследования в Южном Поднестровье. *ABY* 2001—2002 pp., 224—228.
- Піоро В. 1999. Нові знахідки антропоморфних стел та кромлехів в курганах ямної культури степової України. *Vita Antiqua* 1, 41—44.
- Потехина И. Д. 1991. Новые материалы к антропологии раннего медного века Украины и Молдавии. В: Яровой Е. В. (ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.)*. Кишинев, 72—73.
- Рассамакин Ю. Я., Евдокимов Г. Л. 2001. Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения «постстоговских» погребений. *Археологический альманах* 10, 71—86.
- Рыбалова В. Д. 1964. Некоторые новые данные к изучению позднетрипольской культуры на Южном Буге. *АСГЭ* 6, 79—83.
- Савва Е. Н., Ключко Е. О. 2002. Раскопки курганов и поселение эпохи поздней бронзы «Кривое озеро» у села Терновка в Поднестровье. В: Кетрару Н. А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье: от энеолита к античности*. Тирасполь: НИЛ «Археология», 149—179.
- Серова Н. Л., Яровой Е. В. 1987. *Григориопольские курганы*. Кишинев: Штиинца.
- Станко В. Н. 1967. Некоторые вопросы позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья (по материалам раскопок стоянки Гиржево). *ЗООА* II (35), 155—168.
- Станко В. Н. 1985. К проблеме западных связей мезолита степного Причерноморья (по материалам стоянки Белолесье). В: Станко В. Н. (отв. ред.). *Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 31—45.
- Субботин Л. В. 1984. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции в 1984 г. Архив ОАМ НАНУ, 6/№.
- Субботин Л. В. 1986. О картографировании гумельничких памятников юго-запада СССР. В: Станко В. Н. (отв. ред.). *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 41—53.
- Субботин Л. В., Шмаглий Н. М. 1970. Болградский курганный могильник. *МАСП* 6, 116—129.
- Субботин и др. 1985: Субботин Л. В., Тощев Г. Н., Фокеев М. М. 1985. *Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции в 1985 г.* Архив ОАМ НАНУ, 6/№.
- Субботин Л. В., Петренко В. Г. 1986. Об архитектуре усатовских курганных сооружений. В: Дзис-Райко Г. А., Патокова Э. Ф., Клейман И. Б. и др. (ред.). *Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 26—43.
- Субботин Л. В., Петренко В. Г. 1990. Редкие памятники древних культур Подунавья. *СА* (3), 250—253.
- Суботин Л. В., Петренко В. Г. 1994. Курганный могильник усатівського типу Жовтий Яр. *Археологія* (1), 93—104.
- Субботин и др. 1995б: Субботин Л. В., Островерхов А. С., Дзиговский А. Н. 1995. *Археологические древности Буджака: курганы восточного побережья озера Сасык*. Одесса: Гермес.
- Субботин и др. 1998: Субботин Л. В., Дзиговский А. Н., Островерхов А. С. 1998. *Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишневое и Белолесье*. Одесса: Унда ЛТД.
- Субботин Л. В., Тощев Г. Н. 2002. *Археологические древности Буджака. Курганный комплекс у с. Лиман*. Запорожье: Одесский археологический музей; Запорожский государственный университет.
- Тодорова и др. 1983: Тодорова Х., Василев В., Янушевич З., Вълчев П. 1983. *Овчарово*. Разкопки и проучвания IX. София: Издателство на БАН.
- Черных Е. Н. 1976. *Древняя металлообработка на юго-западе СССР*. Москва: Наука.
- Черныш Е. К., Черняков И. Т. 1964. Археологические разведки в Подунавье. *КСИА* 99, 89—96.
- Черняков И. Т. 1964. Позднетрипольский курган у с. Сарата, Одесской обл. *КС ОГМ* 1962 г., 32—37.
- Черняков и др. 1982: Черняков И. Т., Добролюбовский А. О., Дзиговский А. Н., Островерхов А. С. 1982. *Отчет о работе Буго-Днестровской экспедиции в 1982 г.* Архив ИА НАНУ, №1982/15.
- Черняков и др. 1986: Черняков И. Т., Станко В. Н., Гудкова А. В. 1986. Холмские курганы. В: Станко В. Н., Черняков И. Т., Субботин Л. В. (ред.). *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 53—96.
- Шапошникова О. Г., Неприна В. И. 1977. Новорозановское многослойное поселение. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Древности Поингуля*. Киев: Наукова думка, 52—65.
- Шапошникова и др. 1980: Шапошникова О. Г., Бочкарев,

- Корпусова В. Н. 1980. Курганный группа у с. Привольное. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Археологические памятники Поингуля*. Киев: Наукова думка, 17—70.
- Шапошникова и др. 1986: Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. 1986. *Ямная культурно-историческая общность (южно-бугский вариант)*. САИ В 1—3. Киев: Наукова думка.
- Шарафутдинова И. Н. 1980. Северная курганный группа у с. Соколовка. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Археологические памятники Поингуля*. Киев: Наукова думка, 71—124.
- Шмаглий Н. М., Черняков И. Т. 1970. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966 гг.). МАСП 6, 5—115.
- Яровой Е. В. 1985. *Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребально-го обряда)*. Кишинев: Штиинца.
- Яровой Е. В. 2000. *Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла*. Автореф. дисс... д. и. н. Москва.
- Comşa E. 1987. *Neoliticul pe teritoriul României. Considerații*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Dumitrescu V. I. 1979. *Arta culturii Cucuteni*. București: Meridiane.
- Guma M. 1993. *Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României*. București: Melior Trading SRL.
- Harŭche N. 1980. Complexul cultural Cernavoda I de la Rîmnicelu — județul Brăila. *Istros* V, 33—91.
- Haşotti P. 1997. *Epoca neolitică în Dobrogea*. Constanța: Muzeul de Istorie Națională și Arheologie.
- Ilčeva V. 1986. Neue Metallfunde aus der prähistorischen Siedlung Hotnica-Vodopada. *Studia praehistorica* 8, 212—216.
- Leviŭki et al. 1996: Leviŭki O., Manzura I., Demcenko T. 1996. *Necropola tumulară de la Sărăteni*. Bibliotheca Thracologica XVII. București: Institutul Thracologie de Român.
- Matasă C. 1964. Așezarea eneolitică Cucuteni B de la Tîrgu Ocna-Podei (raionul Tîrgu Ocna, reg. Bacău). *Arheologia Moldovei* 2—3, 11—65.
- Morintz A. S. 2001. Structuri de locuire în cadrul culturii Cernavoda I. *Thraco-Dacia* XXII: 1—2, 107—137.
- Morintz S., Roman P. 1968. Aspekte des Ausgangs des Äneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im Raum der Niederdonau. *Dacia (N.S.)* XII, 45—128.
- Nestor I., Zaharia E. 1968. Sur la période de transition du néolithique à l'âge du bronze dans l'aire des civilisations de Cucuteni et de Gumelnița. *Dacia (N.S.)* XII, 17—43.
- Petrenko V. 1996. Über die Entstehung der Usatovo-Kultur. In: *The Thracian World at the crossroads of civilisation*. Bucharest, 404.
- Pippidi D. M., Berciu D. 1965. *Din istoria Dobrogei*. Vol. I. București: Editura Academiei RPR.
- Popovici D. 1983. Cîteva observații privitoare la metalurgia cuprului pe teritoriul României. *Muzeul Național VII*, 5—16.
- Rassamakin Y. Y. 1996. On early elements of the Globular Amphora Culture and other Central European cultures in the late Eneolithic of the Northern Black Sea region. *BPS* 4, 112—132.
- Šiška S. 1972. Gräberfelder der Lažňany-Gruppe in der Slowakei. *Slovenská Archeológia* XX-1, 107—175.
- Schmid H. 1932. *Cucuteni in der Oberen Moldau, Rumänien*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter.
- Videiko M. Y. 1999. Radiocarbon dating chronology of the late Tripolye culture. *BPS* 7, 34—71.
- ## References
- Alekseeva, I. L. 1976. In *Materialy po arheologii Severnogo Prichernomor'ia (Proceedings on the Archaeology of the Northern Pontic Region)* 8, 176—186 (in Russian).
- Alekseeva, I. L. 1987. In Samoilova, T. P. (ed.). *Novye issledovaniia po arheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Recent Studies on Archaeology of the Northwestern Black Sea Region)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 17—26 (in Russian).
- Alekseeva, I. L. 1992. *Kurgany epokhi paleometalla v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Paleometal Barrows in the North-Western Pontic Region)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Beilekchi, V. S. 1990. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1985 g. (Archaeological Investigations in Moldova in 1985)*, 34—49 (in Russian).
- Bikbaev, V. M. 1992. In Grosu, V. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arheologii i etnografii Moldovy (Materials and Research on the Archaeology and Ethnography of Moldova)*. Kishinev: "Știința" Publ., 101—117 (in Russian).
- Bondar', R. D. 1971. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1968 g. (Archaeological Research in Ukraine in 1968)*, 66—70 (in Russian).
- Bondar', R. D. 1984. In Koshelenko, G. A., Kruglikova, I. T., Dolgorukov, V. S. (eds.). *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ia (Ancient States of the Northern Pontic Region)*. Series: Archaeology of the USSR 10. Moscow: "Nauka" Publ., 31—32 (in Russian).
- Boyardzhiev, Ya. D. 1993. In *Dobrudzha (Dobruja)* 9 (1992), 10—19 (in Bulgarian).
- Videjko, M. Yu. 1997. In *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 1993 roku (Archaeological Investigations in Ukraine in 1993)*, 30—33 (in Ukrainian).
- Bruyako, I. V., Manzura, I. V., Subbotin, L. V. 2003. In *Arkheologichni vidkryttia v Ukraini 2001—2002 rr. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2001—2002)*, 56—61 (in Russian).
- Cherednichenko, V. G. (comp.). 1981. *Geomorfologicheskaia karta Ukrainy SSR i Moldavskoi SSR [Karty]: 1979 (Geomorphological Map of the Ukrainian and Moldavian SSR [Maps]: 1979)*. Kyiv (in Russian).
- Zaritskii, A. I. (ed.). 1985. *Geologicheskie pamiatniki Ukrainy. Spravochnik-putevoditel' (Geological Sites of Ukraine: Guidebook)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Golovko, I. D., Zaginailo, A. G., Bondar', R. D. 1965. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo Gosudarstvennogo arheologicheskogo muzeia (Concise Bulletins of the Odessa State Archaeological Museum)*, 68—80 (in Russian).
- Gudkova, A. V. 1980. In Stanko, V. N., Vanchugov, V. P., Patokova, E. F. (eds.). *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e v epokhu pervobytno-obshchinnogo stroia (North-Western Black Sea Region in the Epoch of Primitive Communities)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 87—95 (in Russian).
- Hushev, S. O. 1995. *Trypil's'ka kul'tura Seredn'oho Pobuzhzhia rubezhu IV—III tys. do n.e. (Tripolyan Culture of the Middle Bug Region on the Turn of IV—III Millennia BC)*. Vinnytsia: "Anteks-ULTD" Publ. (in Ukrainian).
- Danilenko, V. N. 1974. *Eneolit Ukrainy. Etnoistoricheskoe issledovanie (The Eneolithic of Ukraine: Studies of Ethnic History)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Dvorianinov, S. A., Dzigovskii, A. N., Subbotin, L. V. 1985. In Stanko, V. N. (ed.). *Novye materialy po arheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (New Materials on the Archaeology of North-Western Pontic Region)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 132—173 (in Russian).
- Demchenko, T. I. 1990. In *Problemy issledovaniia pamiatnikov arheologii Severskogo Donetsa (Problems of the Investigation of Archaeological Sites of Severskii Donets Region)*. TDK. Lugansk, 63 (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1986. *Moldaviia i sosednie territorii v epokhu bronzy (Moldavia and Neighboring Territories in the Bronze Age)*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Dergachev, V. A., Borziac, I. A., Manzura, I. V. 1989. *Roshkanskie*

№2. 2024

- kurgany (Roșcani Barrows). Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Zbenovich, V.G. 1974. *Pozdnetripol'skie plemena Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Late Trypillian Tribes in the North-western Black Sea Region)*. Kyiv: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Zbenovich, V.G. 1980. *Poselenie Bernashovka na Dnestre (Bernashivka Settlement in the Dniester Basin)*. Kyiv: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Zinevich, G.P. 1970. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Proceedings on the Archaeology of the Northern Pontic Region)* 6, 156—166.
- Ivanova, S.V., Petrenko, V.G., Vetchinnikova, N.E. 2005. *Kurgany drevnikh skotovodov mezhdu drev'ia Iuzhnogo Buga i Dnestra (Barrows of Ancient Cattle Breeders in the Southern Bug and Dniester Interfluvium)*. Odessa: “KP OGT” Publ. (in Russian).
- Kovaleva, I.F., Romashko, V.A., Teslenko, D.L., Shalobudov, V.N., Veklenko, V.A. 2003. *Kurgany eneolita-bronzy v krivorozhskom techenii Ingul'tsa (Barrows of the Chalcolithic and the Bronze Age in the Ingulets River Basin, Kryvyi Roh Area)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk National University (in Russian).
- Kovpanenko, H.T., Fomenko, V.M. 1986. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 55, 10—25 (in Ukrainian).
- Kotova, N.S. 2003. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Vostochnoi Ukrainy (Materials and Research in the Archaeology of Eastern Ukraine)* 1, 78—97 (in Russian).
- Kruts, V.O., Ryzhov, S.M. 1985. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 51, 45—56 (in Ukrainian).
- Manzura, I.V., Sorokin, V. Ya. 1990. In Dergachev, V.A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia molodykh uchenykh Moldavii (Archaeological Studies Done by the Young Scholars of Moldavia)*. Kishinev: “Știința” Publ., 78—93 (in Russian).
- Markevich, V.I. 1981. *Pozdnetripol'skie plemena Severnoi Moldavii (Late Tripolyan Tribes of the Northern Moldavia)*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Meliukova, A.I. 1962. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 88, 74—83 (in Russian).
- Movsha, T.G. 1985. In Telegin, D. Ya. (ed.). *Arkheologiya Ukrain-skoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)* 1. Kyiv: “Naukova dumka” Publ., 223—263 (in Russian).
- Nazarov, S.V., Kovalyukh, M.M. 1999. In *Arkheometriya ta okhrona istoriko-kul'turnoi spadshchyny (Archaeometry and Protection of Cultural-Historical Heritage)* 3, 70—81 (in Ukrainian).
- Neradenko, T.M. 1995. In *Arkheolohichni doslidzhennya na Cherkashchyni (Archaeological Investigations in the Cherkasy Region)*. Cherkasy: “Siyach” Publ., 33—42 (in Ukrainian).
- Nikolova, A.V., Rassamakin, Yu. Ya. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 37—56 (in Russian).
- Nikolova, A.V. 2002. In Kovaleva, I.F. (ed.). *Problemy arkheologii Podniprova (Issues of Archaeology of the Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk National University, 37—59 (in Russian).
- Ol'govskii, S. Ya. 1988. In Shaposhnikova, O.G. (ed.). *Novye pamiatniki iamnoi kul'tury stepnoi zony Ukrainy (New Sites of the Pit-grave Culture from the Steppe Zone of Ukraine)*. Kyiv: “Naukova dumka” Publ., 135—140 (in Russian).
- Ostroverkhov, A.S., 20021—2002. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 386—430 (in Russian).
- Patokova, E.F. 1960. In *Materialy z arkheologii Pivnichnoho Prychornomor'ya (Proceedings on the Archaeology of Northern Pontic Area)* 3, 184—190 (in Ukrainian).
- Patokova, E.F. 1979. *Usatovskoe poselenie i mogil'niki (Usatovo Settlement and Necropolises)*. Kyiv: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Patokova, E.F., Petrenko, V.G., Burdo, N.B., Polishchuk, L. Yu. 1989. *Pamiatniki tripolskoi kul'tury v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Tripolyan Sites in the North-Western Pontic Region)*. Kyiv: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Pashkevich, G.A. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 404—418 (in Russian).
- Petrenko, V.G. 1989. In *Istoriia i arkheologiya Nizhnego Podunav'ia (chtenii pamiati professora A. I. Dovatura). Tezisy dokladov nauchno-prakticheskogo seminaru (History and Archaeology of Lower Danube Region (Readings in the Memory of the Professor A.I. Dovatur). Abstracts of the Scientific-practical Seminar)*. Reni: Reni Town Typography, 18—20 (in Russian).
- Petrenko, V.G. 1993. In Okhotnikov, S.B. (ed.). *Drevnee Prichernomor'e (Ancient Black Sea Region)*. Series: *Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Concise Bulletins of the Odessa Archaeological Society)*. Odessa: Odessa Archaeological Society, 16—19 (in Russian).
- Petrenko, V. 2003. In Chernyakov, I. (ed.). *Trypil's'ka tsyvilizatsiya u spadshchyni Ukrainy (Tripolye Civilization in Ukraine's Heritage)*. Kyiv: “Prosvita” Publ., 137—144 (in Ukrainian).
- Petrenko, V.G., Shilov, Yu.A. 1992. In *Arkheologicheskii vestnik (Archaeological Bulletin)* 3, 9—11 (in Russian).
- Petrenko, V.G., Alekseeva, I.L. 1994. In Okhotnikov, S.B. (ed.). *Drevnee Prichernomor'e (Ancient Black Sea Region)*. Series: *Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Concise Bulletins of the Odessa Archaeological Society)*. Odessa: Odessa Archaeological Society, 48—55 (in Russian).
- Petrenko, V.G., Ostroverkhov, A.S., Sapozhnikov, I.V. 2003. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ia i Krymu (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* Kh, 39—64 (in Russian).
- Petrenko, V.G., Kovalyukh, N.N. 2003. In Korvin-Piotrovskiy, O.H., Kruts, V.O., Ryzhov, S.M. (eds.). *Trypil's'ki poselennya-hihanty (Tripolyan Giant Settlements)*. Kyiv: “Korvin Press” Publ., 102—110 (in Russian).
- Petrenko, V.G., Nosova, L.V., Kozhukhar', V.K., Denisiuk, V.P. 2003. In *Arkheolohichni vidkryttia v Ukraini 2001—2002 rr. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2001—2002)*, 224—228 (in Russian).
- Pioro, V. 1999. In *Vita Antiqua* 1, 41—44 (in Russian).
- Potekhina, I.D. 1991. In Yarovoy, E.V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n. e. — V v. n. e.) (The Most Ancient Communities of Farmers and Stock-breeders of the Northern Pontic Region (V Millennium BC — 5th Century AD))*. Kishinev, 72—73 (in Russian).
- Rassamakin, Yu. Ya., Evdokimov, G.L. 2001. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 10, 71—86 (in Russian).
- Rybalova, V.D. 1964. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 6, 79—83 (in Russian).
- Sava, E.N., Klochko, E.O. 2002. In Chetraru, N.A. (ed.). *Severnoe Prichernomor'e: ot eneolita k antichnosti (North Black Sea Region: from the Eneolithic to the Antiquity)*. Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridniestrovian State University, Laboratory of Archaeology; “Tipar” Publ., 149—179 (in Russian).
- Serova, N.L., Yarovoy, E.V. 1987. *Grigoriopol'skie kurgany (Grigoriopol Barrows)*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Stanko, V.N. 1967. In *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Writings of the Odessa Archaeological Society)* II (35), 155—168 (in Russian).
- Stanko, V.N. 1985. In Stanko, V.N. (ed.). *Novye materialy po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (New Materials on the Archaeology of North-Western Pontic Region)*. Kyiv: “Naukova dumka” Publ., 31—45 (in Russian).
- Subbotin, L.V. 1984. *Otchet o rabote Dunai-Dnestrovskoi novostrochnoi ekspeditsii v 1984 g. (Report on the Works of the Danube-Dniester Salvage Expedition in 1984)*. Archive of the Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine, s.n. (in Russian).
- Subbotin, L.V. 1986. In Stanko, V.N. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Research into Archaeology of the North-Western Pontic Region)*. Kyiv: “Naukova dumka” Publ., 41—53 (in Russian).
- Subbotin, L.V., Shmaglii, N.M. 1970. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Proceedings on the Archaeology of the Northern Pontic Region)* 6, 116—129 (in Russian).

- Subbotin, L. V., Toshchev, G. N., Fokeev, M. M. 1985. *Otchet o rabote Dunai-Dnestrovskoi novostrochnoi ekspeditsii v 1985 g. (Report on the Works of the Danube-Dniester Salvage Expedition in 1985)*. Archive of the Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine, s. n. (in Russian).
- Subbotin, L. V., Petrenko, V. G. 1986. In Dzis-Raikov, G. A., Patokova, E. F. Kleiman, I. B., et al. (eds.). *Pamiatniki drevnego iskusstva Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Monuments of Ancient Art in the North-West Pontic Region)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 26—43 (in Russian).
- Subbotin, L. V., Petrenko, V. G. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 250—253 (in Russian).
- Subotyn, L. V., Petrenko, V. H. 1994. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 93—104 (in Ukrainian).
- Subbotin, L. V., Ostroverkhov, A. S., Dzegovskii, A. N. 1995. *Arkheologicheskie drevnosti Budzhaka. Kurgany vostochnogo poberezh'ia ozera Sasyk (Archaeological Antiquities of Budjak. Barrows of the Eastern Shore of the Sasyk Lake)*. Odessa: "Germes" Publ. (in Russian).
- Subbotin, L. V., Dzegovskii, A. N., Ostroverkhov, A. S. 1998. *Arkheologicheskie drevnosti Budzhaka. Kurgany u sel Vishnevoe i Beloles'e (Archaeological Antiquities of Budjak. Barrows Near Villages Vishnyovoe and Byelolesye)*. Odessa: "Unda LTD" Publ. (in Russian).
- Subbotin, L. V., Toshchev, G. N. 2002. *Arkheologicheskie drevnosti Budzhaka. Kurgannaia gruppa u s. Liman (Archaeological Antiquities of Budjak. Group of Barrows near the Village of Liman)*. Zaporozh'e: Odessa Archaeological Museum; Zaporizhzhia State University (in Russian).
- Todorova, Kh., Vasilev, V., Yanushevich, Z., Văleev, P. 1983. *Ovcharovo (Ovcharovo Site)*. Series: Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Studies) IX. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- Chernykh, E. N. 1976. *Drevniiaia metalloobrabotka na Iugo-Zapade SSSR (Ancient Metalworking in South-West of USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Chernysh, E. K., Cherniakov, I. T. 1964. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 99, 89—96 (in Russian).
- Cherniakov, I. T. 1964. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo Gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeia 1962 g. (Concise Bulletins of the Odessa State Archaeological Museum for 1962)*, 32—37 (in Russian).
- Cherniakov, I. T., Dobroliubskii, A. O., Dzegovskii, A. N., Ostroverkhov, A. S. 1982. *Otchet o rabote Bugo-Dnestrovskoi ekspeditsii v 1982 g. (Report on Works of the Bug-Dniester Expedition in 1982)*. Archive of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1982/15 (in Russian).
- Cherniakov, I. T., Stanko, V. N., Gudkova, A. V. 1986. In Stanko, V. N., Cherniakov, I. T., Subbotin, L. V. (eds.). *Issledovaniia po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Research into Archaeology of the North-Western Pontic Region)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 53—96 (in Russian).
- Shaposhnikova, O. G., Neprina, V. I. 1977. In Shaposhnikova, O. G. (ed.). *Drevnosti Poingul'ia (Antiquities of the Ingul Region)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 52—65 (in Russian).
- Shaposhnikova, O. G., Bochkarev, Korpusova, V. N. 1980. In Shaposhnikova, O. G. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Poingul'ia (Archaeological Sites of the Ingul Basin)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 17—70 (in Russian).
- Shaposhnikova, O. G., Fomenko, V. N., Dovzhenko, N. D. 1986. *Iamnaia kul'turno-istoricheskaia oblast' (iuzhnobugskii variant) (Pit-grave Cultural-Historical Community (Southern Bug Variant))*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V 1—3. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Sharafutdinova, I. N. 1980. In Shaposhnikova, O. G. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Poingul'ia (Archaeological Sites of the Ingul Basin)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 71—124 (in Russian).
- Shmaglii, N. M., Cherniakov, I. T. 1970. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Proceedings on the Archaeology of the Northern Pontic Region)* 6, 5—115 (in Russian).
- Yarovoy, E. V. 1985. *Drevneishie skotovodcheskie plemena iugozapada SSSR (klassifikatsiia pogrebal'nogo obriada) (Ancient Cattle-breeding Tribes in the South-West of the USSR (Classification of Funerary Rite))*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Yarovoy, E. V. 2000. *Skotovodcheskoe naselenie Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia epokhi rannego metalla (Cattle-breeders in the North-Western Pontic Region in the Early Metal Age)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).
- Comșa, E. 1987. *Neoliticul pe teritoriul României. Considerații*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Dumitrescu, Vl. 1979. *Arta culturii Cucuteni*. București: Meridiane.
- Guma, M. 1993. *Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României*. București: Melior Trading SRL.
- Harțuche, N. 1980. Complexul cultural Cernavoda I de la Rîmnicelu — județul Brăila. *Istros* V, 33—91.
- Hașotti, P. 1997. *Epoca neolitică în Dobrogea*. Constanța: Muzeul de Istorie Națională și Arheologie.
- Ilčeva, V. 1986. Neue Metallfunde aus der prähistorischen Siedlung Hotnica-Vodopada. *Studia praehistorica* 8, 212—216.
- Levițki, O., Manzura, I., Demcenko, T. 1996. *Necropola tumulară de la Sărăteni*. Bibliotheca Thracologica XVII. București: Institutul Thracologie de Română.
- Matasă, C. 1964. Așezarea eneolitică Cucuteni B de la Țirgu Ocna-Podei (raionul Țirgu Ocna, reg. Bacău). *Arheologia Moldovei* 2—3, 11—65.
- Morintz, A. S. 2001. Structuri de locuire în cadrul culturii Cernavoda I. *Thraco-Dacica* XXII: 1—2, 107—137.
- Morintz, S., Roman, P. 1968. Aspekte des Ausgangs des Äneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im Raum der Niederdonau. *Dacia (N.S.)* XII, 45—128.
- Nestor, I., Zaharia, E. 1968. Sur la période de transition du néolithique à l'âge du bronze dans l'aire des civilisations de Cucuteni et de Gumelnița. *Dacia (N.S.)* XII, 17—43.
- Petrenko, V. 1996. Über die Entstehung der Usatovo-Kultur. In *The Thracian World at the crossroads of civilisation*. Bucharest, 404.
- Pippidi, D. M., Berciu, D. 1965. *Din istoria Dobrogei*. Vol. I. București: Editura Academiei RPR.
- Popovici, D. 1983. Cîteva observații privitoare la metalurgia cuprului pe teritoriul României. *Muzeul Național* VII, 5—16.
- Rassamakin, Y. Y. 1996. On early elements of the Globular Amphora Culture and other Central European cultures in the late Eneolithic of the Northern Black Sea region. *BPS* 4, 112—132.
- Šiška, S. 1972. Gräberfelder der Lažňany-Gruppe in der Slowakei. *Slovenská Archeológia* XX-1, 107—175.
- Schmid H. 1932. *Cucuteni in der Oberen Moldau, Rumänien*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter.
- Videiko, M. Y. 1999. Radiocarbon dating chronology of the late Tripolye culture. *BPS* 7, 34—71.

Статья поступила в номер 11 апреля 2024 г.

Vladislav Petrenko.

Vladislav Petrenko.

Петренко Владислав Григорьевич.

Список сокращений

AB	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
ABY	— Археологічні відкриття в Україні. Київ.
AGY	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
ADY	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
AEC	— Археология евразийских степей. Казань.
АИМ	— Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН МССР	— Академия наук Молдавской ССР. Кишинёв.
АН РБ	— Академия наук Республики Башкортостан. Уфа.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УССР	— Академия наук Украинской ССР. Киев.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БАН	— Болгарская академия наук. София.
БашГУ	— Башкирский государственный университет. Уфа.
БРЭ	— Большая российская энциклопедия. Москва.
БСЭ	— Большая советская энциклопедия. Москва.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВАУ	— Вопросы археологии Урала. Свердловск; Екатеринбург.
ВАШ	— Высшая антропологическая школа. Кишинёв.
ВГПИ	— Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВИЛИ	— Вестник истории, литературы и искусства. Москва.
ВНУ	— Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля. Луганск.
ВУАК	— Всеукраїнський археологічний комітет. Київ.
ВУАН	— Всеукраїнська Академія наук. Київ.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры. Ленинград.
ГИМ	— Государственный Исторический музей. Москва.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДНУ	— Днепропетровский государственный университет. Днепропетровск.
ДНУ	— Днепропетровский национальный университет. Днепропетровск.
ДНЦ РАН	— Дагестанский научный центр Российской Академии наук. Махачкала.
ЗОО	— Записки Одесского археологического общества. Одесса.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА АН РТ	— Институт археологии Академии наук Республики Татарстан.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИА АН УССР	— Институт археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
ИА АН УССР	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук (Россия, Новосибирск).
ИВ РАН	— Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИИС	— Из истории Сибири. Томск.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної академії наук України. Київ.
K-1979/3	— Коротайха 1979/3.
K-1979/4	— Коротайха 1979/4.
канд. ист. наук.	— кандидат исторических наук.
КГПИ	— Куйбышевский государственный педагогический институт. Куйбышев.
КГПУ	— Красноярский государственный педагогический университет. Красноярск.
КГУ	— Калмыцкий государственный университет. Элиста.
КИО	— культурно-историческая общность.
КолАЭ ЛОИА	— Кольская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии.
КОМ	— Кольский Оленеостровский могильник.
КС ОАО	— Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса.
КС ОГМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея. Одесса.

КСВЕ	— крайний северо-восток Европы.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. Москва.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград.
КурГУ	— Курганский государственный университет. Курган.
ЛГПУ	— Липецкий государственный педагогический университет. Липецк.
МАЕСВ	— Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
МАИАСК	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Москва; Тюмень; Нижний Новгород.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Москва; Тюмень; Нижний Новгород.
МАО	— Московское археологическое общество. Москва.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАСП / МАПП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья / Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Одесса.
МАЗ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
МВД	— Министерство внутренних дел.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МДАСУ	— Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МОКМ	— Мурманский областной краеведческий музей. Мурманск.
МРС	— мелкий рогатый скот.
НА ІА НАНУ	— Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук України. Київ.
НА ИАКР	— Научный архив Института археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НГКМ	— Новосибирский государственный краеведческий музей. Новосибирск.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НИЛ	— научно-исследовательская лаборатория.
ННЦ	— Новосибирский научный центр. Новосибирск.
НЦ	— научный центр.
ОАМ	— Одесский археологический музей. Одесса.
ОГПУ	— Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ОИРИМ	— Отчеты Императорского Российского Исторического музея. Москва.
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Москва.
ОФ	— Основной фонд.
ПА	— Поволжская археология. Казань.
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
ПАЭАССТ	— Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
ПЭГ	— полиэтиленгликоль.
РА	— Российская археология. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва.
РАО	— Русское археологическое общество. Санкт-Петербург.
РИО	— редакционно-издательский отдел.
РНФ	— Российский научный фонд. Москва.
РО НБФ	— Рукописный отдел Национальной библиотеки Финляндии. Хельсинки.
РЭ	— Российская этнография. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва.
СГАИМК	— Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Москва; Ленинград.
СГПУ	— Самарский государственный педагогический университет. Самара.
СГСЛУ	— Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СНВ	— Самарский научный вестник. Самара.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской Академии наук. Самара.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
СурГПИ	— Сургутский государственный педагогический институт. Сургут.
СФУ	— Сибирский федеральный университет. Красноярск.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТГИАМЗ	— Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Тобольск.
ТГУ	— Томский государственный университет. Томск.

№2. 2024

ТГУСУР	— Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. Томск.
ТДК	— тезисы докладов конференции.
ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Института археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва.
ТюмГУ	— Тюменский государственный университет. Тюмень.
УдГУ	— Удмуртский государственный университет. Ижевск.
УрГУ	— Уральский государственный университет. Свердловск / Екатеринбург.
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
УрФУ	— Уральский федеральный университет. Екатеринбург.
УСРР	— Українська соціалістична радянська республіка.
ХМАО	— Ханты-Мансийский автономный округ.
ЦКП	— Центр коллективного пользования.
ЧГПУ	— Челябинский государственный педагогический университет. Челябинск.
ЧГУ	— Челябинский государственный университет. Челябинск.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
ЮУрГУ	— Южно-Уральский государственный университет. Челябинск.
AMS	— Accelerator mass-spectrometry.
BPS	— Baltic-Pontic Studies. Poznań.
CCE	— Cahiers de la Céramique Égyptienne. Le Caïre.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
IOS RAS	— Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow.
JAEA	— The Journal of Ancient Egyptian Architecture.
JARCE	— Journal of the American Research Center in Egypt. Alexandria (Virginia).
MDAIK	— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Kairo.
OLA	— Orientalia Lovaniensia Analecta. Louvain.
PAN	— Polska Akademia Nauk. Warszawa.
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki.